Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/nakraiusvietaizv008800

НА КРАЮ СВѢТА

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АРХІЕРЕЯ)

РАЗСКАЗЪ

Н. С. Лѣскова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и литографія кн. В. Оболенскаго, Николаевская, № 8
1876

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Ѳ. Тютчевъ.

Раннимъ вечеромъ, на святкахъ, мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ большой голубой гостиной архіерейскаго дома. Насъ было семь человѣкъ, восьмой нашъ хозяинъ, тогда уже весьма престарѣлый архіепископъ, больной и немощный. Гости были люди просвѣщенные и между ними шелъ интересный разговоръ о нашей вѣрѣ и о нашемъ невѣріи, — о нашемъ проповѣдничествѣ въ храмахъ и о просвѣтительныхъ трудахъ нашихъ миссій на Востокѣ. Въ числѣ собесѣдниковъ находился нѣкто флотакапитанъ Б., очень добрый человѣкъ, но большой нападчикъ на русское духовенство. Онъ твердилъ, что наши миссіонеры совершенно неспособны къ своему дѣлу и радовался, что правительство разрѣшило теперь трудиться на

пользу Слова Божія чужеземнымъ евангелическимъ пасторамъ. Б. выражалъ твердую увѣренность, что эти проповѣдники будутъ имѣть у насъ огромный успѣхъ, не среди однихъ евреевъ, и докажутъ, какъ два и два—четыре, неспособность русскаго духовенства къ миссіонерской проповѣди.

Нашъ почтенный хозяинъ, въ продолженіи этого разговора, хранилъ глубокое молчаніе: онъ сидѣлъ съ покрытыми пледомъ ногами въ своемъ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ и, повидимому, думалъ о чемъ-то другомъ; но когда Б. кончилъ, старый владыка вздохнулъ и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, господа, что вы господина капитана напрасно бы стали оспаривать; я думаю, что онъ правъ: чужеземные миссіонеры положительно должны имѣть у насъ большой успѣхъ.

— Я очень счастливъ, владыко, что вы раздѣляете мое мнѣніе, отвѣчалъ капитанъ Б., и, сдѣлавъ вслѣдъ за симъ нѣсколько самыхъ благопристойныхъ и тонкихъ комплиментовъ из-

вѣстной образованности ума и благородству характера архіерея, добавилъ:

— Ваше высокопреосвященство, конечно, лучше меня знаете всѣ недостатки русской Церкви, гдѣ, конечно, среди духовенства есть люди и очень умные, и очень добрые,—я этого никакъ не стану оспаривать; но они едва ли понимаютъ Христа. Ихъ положеніе и прочее... заставляетъ ихъ толковать все... слишкомъ узко.

Архіерей посмотрѣлъ на него, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, господинъ капитанъ, скромность моя не оскорбится признать, что я можетъ быть не хуже васъ знаю всѣ скорби Церкви; но справедливость была бы оскорблена, если бы я рѣшился признать вмѣстѣ съ вами, что въ Россіи Господа Христа понимаютъ менѣе, чѣмъ въ Тюбингенѣ, Лондонѣ или Женевѣ.

— Объ этомъ, владыко, еще можно спорить.

Архіерей снова улыбнулся и сказалъ:

— А вы, я вижу, охочи спорить. Что съ

вами дѣлать! отъ спора мы воздержимся, а бесѣдовать—давайте.

И съ этимъ словомъ онъ взялъ со стола большой, богато украшенный рѣзьбою изъ слоновой кости, альбомъ и, раскрывъ его, сказалъ:

— Вотъ нашъ Господь!—Зову васъ посмотрѣть! здѣсь я собралъ много изображеній Его лица; вотъ Онъ сидитъ у кладезя съ женой самаритянской — работа дивная; —художникъ, надо думать, понималъ и лицо, и моментъ.

— Да; мнѣ тоже кажется, владыко, что это сдѣлано съ понятіемъ, отвѣчалъ Б.

— Однако, нѣтъ ли здѣсь въ Божественномъ лицѣ излишней мягкости? не кажется ли вамъ, что Ему ужь слишкомъ все равно: сколько эта женщина имѣла мужей и что нынѣшній мужъ ей не мужъ?

Всѣ молчали; архіерей это замѣтилъ и продолжалъ:

— Мнѣ кажется, сюда немного строгаго вниманія было бы чертой не лишнею.

— Вы правы, можетъ быть, владыко.

— Распространенная картина; мнѣ доводилось ее часто видѣть по преимуществу у дамъ. Посмотримъ далѣе: опять великій мастеръ. Христа цѣлуетъ здѣсь Іуда. Какъ кажется вамъ здѣсь Господень ликъ? Какая сдержанность и доброта! Неправда ли? прекрасное изображеніе!

— Прекрасный ликъ!

— Однако, не слишкомъ ли много уже здѣсь усилія сдерживаться? Смотрите: лѣвая щека, мнѣ кажется, дрожитъ и на устахъ какъ бы гадливость.

— Конечно, это есть, владыко.

— О, да; да вѣдь Іуда ея ужь разумѣется и стоилъ; и рабъ, и льстецъ—онъ очень могъ ее вызвать у всякаго... только впрочемъ не у Христа, Который никѣмъ не брезговалъ, а всѣхъ жалѣлъ. Ну, мы этого пропустимъ; онъ насъ, кажется, несовсѣмъ удовлетворяетъ, хотя я знаю одного большаго сановника, который мнѣ говорилъ, что онъ удачнѣе этого изображенія Христа представить себѣ не можетъ. Вотъ вновь Христосъ и тоже кисть великая писа-

ла,—Тиціанъ: предъ Господомъ стоитъ коварный фарисей съ динаріемъ. Смотрите-ка: какой коварный старецъ, но Христосъ... Христосъ... Охъ, я боюсь! смотрите: нѣтъ ли тутъ презрѣнія—на Его лицѣ?

— Оно и быть могло, владыко!

— Могло, не спорю: старецъ гадокъ; но я, молясь, такимъ себѣ не мыслю Господа и думаю, что это неудобно. Не правда ли?

Мы отвѣчали согласіемъ, находя, что представлять лицо Христа въ такомъ выраженіи неудобно, особенно вознося къ Нему молитвы.

— Совершенно съ вами въ этомъ согласенъ и даже припоминаю себѣ объ этомъ споръ мой нѣкогда съ однимъ дипломатомъ, которому *этотъ* Христосъ только и нравился; но, впрочемъ, что же... моментъ дипломатическій. Но пойдемте далѣе: вотъ тутъ уже, съ этихъ мѣстъ у меня начинаются одинокія изображенія Господа, безъ сосѣдей. Вотъ вамъ снимокъ съ прекрасной головы скульптора Кауера: хорошъ, хорошъ!—ни слова; но мнѣ, воля ваша, эта академическая голова напоминаетъ гораздо менѣе

Христа, чѣмъ Платона. Вотъ онъ, еще... какой страдалецъ... какой ужасный видъ придалъ Ему Метсу!... Не понимаю, зачѣмъ онъ Его такъ ужасно избилъ, изсѣкъ и изкровянилъ?... Это, право, ужасно! Опухли вѣки, кровь и синяки... весь духъ, кажется, изъ Него выбитъ и на одно страдающее тѣло ужь смотрѣть даже страшно. Перевернемъ скорѣй. Онъ тутъ внушаетъ только состраданіе, и ничего болѣе.— Вотъ вамъ Лафонъ, можетъ быть, и не большой художникъ, да на многихъ нынѣче хорошо потрафилъ; онъ, какъ видите, понялъ Христа, иначе, чѣмъ всѣ предыдущіе и иначе Его себѣ и намъ представилъ: фигура стройная и привлекательная; ликъ добрый, голубиный, взглядъ подъ чистымъ лбомъ, и какъ легко волнуются здѣсь кудри: тутъ локоны, тутъ эти пѣтушки, крутясь, легли на лбу. Красиво, право! а на рукѣ его пылаетъ сердце, обвитое терновою лозою. Это „Sacré coeur“—что отцы іезуиты пропагандируютъ; мнѣ кто-то сказывалъ, что они и вдохновляли сего господина Лафона чертить это изображеніе; но оно, впро-

чемъ, нравится и тѣмъ, которые думаютъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ отцами іезуитами. Помню, мнѣ какъ-то разъ, въ лютый морозъ, довелось заѣхать въ Петербургѣ къ одному русскому князю, который показывалъ мнѣ чудеса своихъ палатъ и вотъ тамъ, несовсѣмъ на мѣстѣ—въ зимнемъ саду, я увидѣлъ впервые этого Христа. Картина въ рамочкѣ стояла на столѣ, передъ которымъ сидѣла княгиня и мечтала. Прекрасная была обстановка: пальмы, аурумы, бананы, щебечутъ и порхаютъ птички, и она мечтаетъ. О чемъ? Она мнѣ сказала:—„ищетъ Христа“. Я тогда и всмотрѣлся въ это изображеніе. Дѣйствительно, смотрите какъ онъ эффектно выходитъ, или, лучше сказать, износится изъ этой тьмы; за нимъ ничего: ни этихъ пророковъ, которые докучали всѣмъ, бѣгая въ своихъ лохмотьяхъ и цѣпляясь даже за царскія колесницы. Ничего этого нѣтъ, а только тьма... тьма фантазіи. Эта дама, — пошли ей Богъ здоровья, — первая мнѣ и объяснила тайну, какъ находить Христа, послѣ чего я и не спорю съ господи-

номъ капитаномъ, что иностранные проповѣдники у насъ не однимъ жидамъ Его покажутъ, а всѣмъ, кому хочется, чтобы Онъ пришелъ подъ пальмы и бананы слушать канареекъ. Только Онъ ли туда придетъ? Не пришелъ бы подъ Его слѣдъ кто другой къ нимъ? Признаюсь вамъ, я этому щеголеватому канареечному Христу охотно предпочелъ бы вотъ эту жидоватую главу Гверчино, хотя и она говоритъ мнѣ только о добромъ и восторженномъ раввинѣ, котораго, по опредѣленію господина Ренана, можно было любить и съ удовольствіемъ слушать. И вотъ вамъ сколько пониманій и сколько представленій о Томъ, Кто одинъ всѣмъ намъ на потребу! Закроемъ теперь все это и обернитесь къ углу, къ которому стоите спиною: опять ликъ Христовъ и уже на сей разъ это именно не лицо,—а ликъ. Типическое русское изображеніе Господа: взглядъ прямъ и простъ; темя возвышенное, что, какъ извѣстно, и по системѣ Лафатера означаетъ способность возвышеннаго богопочтенія; въ ликѣ есть выраженіе, но нѣтъ страстей. Какъ

достигали такой прелести изображенія наши старые мастера?—это осталось ихъ тайной, которая и умерла вмѣстѣ съ ними и съ ихъ отверженнымъ искусствомъ. Просто—до невозможности желать простѣйшаго въ искусствѣ: черты чуть слегка означены, а впечатлѣніе полно; мужиковатъ Онъ, правда, но при всемъ томъ Ему подобаетъ поклоненіе, и какъ кому угодно, а, по моему, нашъ простодушный мастеръ лучше всѣхъ *понялъ*—кого ему надо было написать. Мужиковатъ Онъ, повторяю вамъ, и въ зимній садъ Его не позовутъ послушать канареекъ, да что бѣды! гдѣ Онъ какимъ открылся, тамъ такимъ и ходитъ; и къ намъ зашелъ Онъ въ рабьемъ зракѣ и такъ и ходитъ, не имѣя гдѣ главы приклонить отъ Петербурга до Камчатки. Знать Ему это нравится принимать съ нами поношенія отъ тѣхъ, кто пьетъ кровь Его и ее же проливаетъ. И вотъ, въ эту же мѣру, въ какую, по моему, проще и удачнѣе наше народное искусство поняло внѣшнія черты Христова изображенія, и народный духъ нашъ можетъ быть ближе къ истинѣ по-

стигъ и внутреннія черты Его характера. Не хотите ли, я вамъ разскажу нѣкоторый, можетъ быть не лишенный интереса, анекдотъ на этотъ случай.

— Ахъ, сдѣлайте милость, владыко; мы всѣ васъ просимъ объ этомъ!

— А, просите?—такъ и прекрасно: тогда и я васъ прошу слушать и не перебивать, что я начну сказывать довольно издали.

Мы откашлянулись, поправились на мѣстахъ, чтобы не шевелиться, и архіерей началъ.

I.

Вы, господа, должны мысленно перенестись за много лѣтъ назадъ: это будетъ относиться къ тому времени, когда я еще, относительно довольно молодымъ человѣкомъ, былъ поставленъ во епископы, въ весьма отдаленную сибирскую епархію. Я былъ отъ природы нрава пылкаго и любилъ, чтобы у меня было много дѣла, а потому не только не опечалился, а даже очень обрадовался этому дальнему назначенію. Слава Богу, думалъ я, что мнѣ хотя для начала-то выпало на долю не только ставленниковъ стричь, да пьяныхъ дьячковъ разбирать, а настоящее живое дѣло, которымъ можно съ любовью заняться. Я разумѣлъ именно то наше малоуспѣшное миссіо-

нерство, о которомъ господинъ капитанъ изволилъ вспомнить въ началѣ нашей сегодняшней бесѣды. Ѣхалъ я къ своему мѣсту, пылая рвеніемъ и съ планами самыми обширными, и сразу же было и всю свою энергію остудилъ и, что еще важнѣе,—чуть-чуть было самаго дѣла не перепортилъ, если бы мнѣ не данъ былъ спасительный урокъ въ одномъ чудесномъ событіи.

— Чудесное! воскликнулъ кто-то изъ слушателей, позабывъ условіе не перебивать разсказа; но нашъ снисходительный хозяинъ за это не разсердился и отвѣчалъ:

— Да, господа, обмолвясь словомъ, могу его не брать назадъ: въ томъ, что со мною случилось и о чемъ началъ вамъ разсказывать, не безъ чудесъ и чудеса эти начали мнѣ являться чуть не съ самаго перваго дня моего прибытія въ мою полудикую епархію. Первое дѣло, съ котораго начинаетъ свою дѣятельность русскій архіерей, куда бы онъ ни попалъ, конечно есть обозрѣніе внѣшности храмовъ и богослуженія; къ этому обратился

и я: велѣлъ, чтобы вездѣ были приняты прочь съ престоловъ лишніе евангелія и кресты, благодаря которымъ эти престолы у насъ часто превращаются въ какія-то выставки магазина церковной утвари. Заказалъ себѣ столько ковриковъ съ орлецами, сколько нужно было, чтобы они лежали на своихъ мѣстахъ, чтобы не шмыгали у меня съ ними подъ носомъ, подбрасывая ихъ подъ ноги. Съ усиліемъ и подъ страхомъ штрафовъ воздерживалъ дьяконовъ не ловить меня во время служенія за локти и не забираться рядомъ со мною на горнее мѣсто, а наипаче всего не надѣлять тумаками и подзагривками бѣдныхъ ставленниковъ, у которыхъ отъ того, послѣ пріятія благодати Святаго Духа, недѣли по двѣ, и загорбокъ, и шея болитъ. И никто изъ васъ мнѣ не повѣритъ, сколько все это стоитъ труда и какія приноситъ досады, особенно человѣку нетерпѣливому, какимъ я тогда былъ и остаюсь таковымъ же, къ моему стыду, отчасти и доселѣ. Окончилось съ этимъ, надо было приниматься за второе архіерейское дѣло первой

важности: удостовѣриться, умѣютъ ли причетники читать, хоть ужь если не по писаному, то, по крайней мѣрѣ, по печатному. Эти экзамены долго меня заняли и сильно досаждали мнѣ, а порою и смѣшили. Безграмотный, или, по крайней мѣрѣ, „*неписьменный*“ дьячекъ, или пономарь и теперь еще, пожалуй, отыщется въ селѣ, или въ уѣздномъ городишкѣ и внутри Россіи, что и оказалось, когда имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришлось въ первый разъ расписываться въ полученіи жалованья. Но тогда,—во время оно, да еще въ Сибири,—это было явленіе самое обыкновенное. Я ихъ велѣлъ учить; они на меня, разумѣется, плакались и прозвали меня „лютымъ“; приходы жаловались, что нѣтъ чтецовъ, что архіерей „церкви разоряетъ“. Что тутъ дѣлать? я сталъ отпускать на мѣста такихъ дьячковъ, которые хоть на память читать умѣли, и—о Боже!—что за людей я видѣлъ! Косые, хромые, гугнявые, юродивые и даже... какіе-то одержимые. Одинъ, вмѣсто „Пріидите поклонимся Цареви нашему Богу“, закрывъ

глаза, какъ перепелъ, колотилъ: „плитимбоу, плитимбоу“ и заливался этимъ такъ, что удержать его было невозможно. Другой,—уже это именно былъ одержимый,—онъ такъ искусился въ скорохватѣ, что съ какимъ нибудь извѣстнымъ словомъ у него являлась своя ассоціація идей, которой онъ никакъ не могъ не подчиняться. Такое слово для него было, напримѣръ, „на небеси“. Начнетъ читать: „Иже на всякое время, на всякій часъ на небеси“... и вдругъ у него что-то въ головѣ защелкнетъ, и онъ продолжаетъ: „да святится Имя Твое, да пріидетъ царствіе“. Что я съ этимъ тираномъ ни мучился, все было тщетно! Велѣлъ ему по книгѣ читать; читаетъ: „Иже на всякое время, на всякій часъ на небеси“, но вдругъ закрылъ книгу и пошелъ „да святится имя твое“ и залапоталъ до конца и возглашаетъ „отъ лукаваго“. Только тутъ и остановиться могъ; оказалось, что онъ не умѣетъ читать. За грамотностью дьячковъ очередь переходитъ къ благонравію семинаристовъ. И опять начинаются чудеса: семинарія была до

того распущена, воспитанники пьянствовали и до того безчинствовали, что, напримѣръ, одинъ филосовъ при инспекторѣ, кончая вечернія молитвы, прочелъ: „Упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый: Троица Святая,—*мое вамъ почтеніе*“; а въ богословскомъ классѣ другая исторія: одинъ послѣ обѣда благодаритъ „яко насытилъ земныхъ благъ и проситъ не лишить и небеснаго царствія“, а ему изъ толпы кричатъ: „Свинья! нажрался, да еще въ царство небесное лѣзетъ“.

Надо было подыскать какъ можно скорѣе инспектора, подходящаго подъ мой духъ,— тоже лютаго; при большой спѣшности и небольшомъ выборѣ попался такой: лютости въ немъ оказалось довольно, но уже за то ничего другого не спрашивай.

— Я, говоритъ, ваше преосвященство, приму все это по военному, чтобы сразу...

— Хорошо, отвѣчаю, примись по военному.

Онъ и принялся и съ того началъ, что молитвы распорядился не читать, но пѣть хо-

ромъ, дабы устранить всякія шалости, и то пѣть по его командѣ. Взойдетъ онъ при полномъ молчаніи и, пока не скомандуетъ, всѣ безмолвствуютъ;—скомандуетъ: „*молитву*“!—и запоютъ. Но этотъ уже очень „по военному“ уставилъ; скомандуетъ „молит-в-у-у!“ Семинаристы только запоютъ „Очи всѣхъ Господи на Тя упов...“ онъ на половинѣ слова кричитъ: Ст-о-о-й!“ и подзываетъ одного:

— Фроловъ, поди сюда!

Тотъ подходитъ.

— Ты Багрѣевъ?

— Нѣтъ-съ, я Фроловъ.

— А-а: ты Фроловъ?! отчего же это я думалъ, что ты Багрѣевъ?

Опять хохотъ и опять ко мнѣ жалобы. Нѣтъ, вижу—не годится этотъ съ военными пріемами, и нашелъ кое-какъ цивилиста, который былъ хотя не столь лютъ, но благоразумнѣе дѣйствовалъ: передъ учениками притворялся самымъ слабымъ добрякомъ, а мнѣ все ябедничалъ и повсюду разсказывалъ ужасы о моемъ звѣрствѣ. Я это зналъ и, видя, что

эта мѣра оказывается дѣйствительною, не претилъ его системѣ.

Насилу этихъ своею „лютостію“ въ повиновеніе привелъ, въ зрѣломъ возрастѣ чудеса пошли: доносятъ мнѣ, что въ соборнаго протоіерея возъ сѣна въ середину въѣхалъ и не можетъ выѣхать. Посылаю узнавать; говорятъ: дѣйствительно такъ; протопопъ былъ тучный; послѣ обѣдни крестилъ въ купеческомъ домѣ и вдоволь облѣпихою угостился, а что отъ этой облѣпихи, что отъ другой тамошней дикуши хмѣль самый тяжолый и глупый. То и съ этимъ сталось: пришелъ домой, часа четыре заснулъ, всталъ и, выпивъ жбанъ квасу, легъ грудью на окно, чтобы поговорить съ кѣмъ-то, кто внизу стоялъ и вдругъ... возъ съ сѣномъ въ него въѣхалъ. Вѣдь все это глупое такое, что даже противно сдѣлается, а раздѣлается, такъ, пожалуй, еще противнѣй станетъ. На другой день келейникъ подаетъ мнѣ сапоги и докладываетъ, что „слава Богу, говоритъ, изъ отца протопопа возъ съ сѣномъ уже выѣхалъ“.

— Очень радъ, говорю, таковой радости; но подай-ко мнѣ эту исторію обстоятельно.

Оказывается, что протопопъ, имѣвшій двухъ-этажный домъ, легъ на окно, подъ которымъ были ворота и въ нихъ въ эту минуту въѣхалъ возъ съ сѣномъ, причемъ ему, отъ облѣпихи и отъ сна до одури, показалось, что это въ него въѣхало. Невѣроятно, но однако такъ было: credo, quia absurdum.

Какъ же сего дивотворнаго мужа спасли?

А тоже дивотворно: встать онъ ни за что не соглашался, потому что въ немъ возъ сидитъ; лекарь не находилъ лекарства противъ сего недуга. Тогда шаманку призвали; та повертѣлась, постучала и велѣла на дворѣ возъ сѣна наложить и назадъ выѣхать; больной, принявъ, что это *изъ него* выѣхало, и исцѣлѣлъ.

Ну, послѣ этого дѣлайте съ нимъ, что хотите, а онъ свое уже сдѣлалъ: и людей насмѣшилъ, и шаманку призвалъ идольскими чарами его пользовать; а такія вещи тамъ не въ мѣшечкѣ лежатъ, а по дорожкѣ бѣжатъ. „Что-де попы,—они ничего не значатъ и са-

ми нашихъ шамановъ зовутъ шайтана отгонять". И идутъ себѣ да идутъ этакія глупости. Долго я приправлялъ, какъ могъ, сіи дымящія лампады и приходская часть мнѣ черезъ нихъ невыносимо надокучила; но за то насталъ давно желанный и вождѣленный мигъ, когда я могу всего себя посвятить трудамъ по просвѣщенію дикихъ овецъ моей паствы, пасущихся безъ пастыря.

Забралъ я себѣ всѣ касающіяся этой части бумаги и присѣлъ за нихъ вплотную, такъ что и отъ стола не отхожу.

II.

Ознакомясь съ миссіонерскими отчетностями, я остался всею дѣятельностію недоволенъ болѣе, чѣмъ дѣятельностію моего приходскаго духовенства: обращеній въ христіанство было чрезвычайно мало, да и то ясно было, что добрая доля этихъ обращеній значилась только на бумагѣ. На самомъ же дѣлѣ одни изъ крещеныхъ снова возвращались въ свою прежнюю вѣру,—ламайскую или шаманскую; а другіе дѣлали изъ всѣхъ этихъ вѣръ самое странное и нелѣпое смѣшеніе: они молились и Христу съ Его Апостолами, и Буддѣ съ его буддисидами, да тенгеринами, и войлочнымъ сумочкамъ съ шаманскими ангонами. Двоевѣріе держалось не у однихъ кочевниковъ, а почти

и повсемѣстно въ моей паствѣ, которая не представляла отдѣльной вѣтви какой нибудь одной народности,а какіе-то щепы и осколки, Богъ вѣсть, когда и откуда сюда попавшихъ племенныхъ разновидностей, бѣдныхъ по языку и еще болѣе бѣдныхъ по понятіямъ и фантазіи. Видя, что все, касающееся миссіонерства находится здѣсь въ такомъ хаосѣ, я возымѣлъ объ этихъ моихъ сотрудникахъ мнѣніе самое невыгодное и обошелся съ ними нетерпѣливо и сурово. Вообще, я сталъ очень раздражителенъ и данное мнѣ прозвище „лютаго“ стало мнѣ приличествовать. Особенно испыталъ на себѣ печать моего гнѣвливаго нетерпѣнія бѣдный монастырекъ, который я избралъ для своего жительства и при которомъ желалъ основать школу для мѣстныхъ инородцевъ. Разспросивъ чернецовъ, я узналъ, что въ городѣ почти всѣ говорятъ по якутски, но изъ моихъ монаховъ изо всѣхъ по инородчески говоритъ только одинъ очень престарѣлый іеромонахъ, отецъ Киріакъ, да и тотъ къ дѣлу проповѣди не годится, а если и годится,

то, хоть его убей, не хочетъ идти къ дикимъ проповѣдовать.

— Что это, спрашиваю, за ослушникъ, и какъ онъ смѣетъ? Сказать ему, что я этого не люблю и не потерплю.

Но эклезіархъ мнѣ отвѣчаетъ, что слова мои передастъ, но послушанія отъ Киріака не ожидаетъ, потому что это уже ему не первое; — что и два мои быстро другъ за другомъ смѣнившіеся предмѣстника съ нимъ строгость пробовали, но онъ уперся и одно отвѣчаетъ:

— „Душу за моего Христа положить радъ, а крестить тамъ (то есть въ степяхъ), не стану“. Даже, говоритъ, самъ просилъ лучше сана его лишить, но туда не посылать. И отъ священнодѣйствія много лѣтъ былъ за это ослушаніе запрещенъ, но ни мало тѣмъ не тяготился, а, напротивъ, съ радостью несъ самую простую службу: то сторожемъ, то въ звонарнѣ. И всѣми любимъ: и братіей, и мірянами, и даже язычниками.

— Какъ? даже и язычниками?

— Да, владыко, и язычники къ нему иные заходятъ.

— За какимъ дѣломъ?

— Уважаютъ его какъ-то изстари, когда еще онъ на проповѣдь ѣздилъ въ прежнее время.

— Да каковъ онъ былъ, въ то, въ прежнее-то время?

— Прежде самый успѣшный миссіонеръ былъ и множество людей обращалъ.

— Что же ему такое сдѣлалось? отчего онъ бросилъ эту дѣятельность?

— Понять нельзя, владыко; вдругъ ему что-то сдѣлалось: вернулся изъ степей, принесъ въ алтарь мурницу и дароносицу и говоритъ:— Ставлю и не возьму паки, доколѣ не придетъ часъ.

— Какой же ему нуженъ часъ? что онъ разумѣетъ.

— Не знаю, владыко.

— Да неужто же вы у него никто этого не добивались? О, роде лукавый, доколѣ живу съ вами и терплю васъ? Какъ васъ это ничто дѣ-

ла касающееся не интересуетъ? Попомните себѣ, что, если тѣхъ, кои ни горячи, ни холодны, Господь обѣщалъ изблевать съ устъ своихъ, то чего удостоитесь вы,—совершенно холодные?

Но мой эклесіархъ оправдывается:

— Всячески, говоритъ, владыко, мы у него любопытствовали, но онъ одно отвѣчаетъ:— „Нѣтъ, говоритъ, дѣтушки, это дѣло не шутка,—это страшное... я на это смотрѣть не могу“.

А что такое страшное, на это эклесіархъ не могъ мнѣ ничего обстоятельнаго отвѣтить, а сказалъ только, что „полагаемъ-де такъ, что отцу Киріаку при проповѣди, какое либо откровеніе было“. Меня это разсердило. Признаюсь вамъ, я не долюбливаю этотъ ассортиментъ „слывущихъ“, которые вживѣ чудеса творятъ и непосредственными откровеніями хвалятся, и причины имѣю ихъ недолюбливать. А потому я сейчасъ же потребовалъ этого строптиваго Киріака къ себѣ и, не довольствуясь тѣмъ, что уже достаточно слылъ грозъ-

нымъ и лютымъ, взялъ да еще принасупился: былъ готовъ опалить его гнѣвомъ, какъ только покажется. Но пришелъ къ моимъ очамъ монашекъ, такой маленькій, такой тихій, что не на кого и взоровъ метать; одѣтъ въ облинялой коленкоровой рясѣ, клобукъ толстымъ сукномъ покрытъ, собой черненькій, востролицынькій, а входитъ бодро, безъ всякаго подобострастія и первый меня привѣтствуетъ:

— Здравствуй, владыко!

Я не отвѣчаю на его привѣтствіе, а начинаю сурово:

— Ты что это здѣсь чудишь, пріятель?

— Какъ, говоритъ, владыко? прости, будь милостивъ: я маленько на ухо тугъ—не все дослышалъ.

Я еще погромче повторилъ.

— Теперь, молъ, понялъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, ничего не понялъ.

— А почему ты съ проповѣдью идти не хочешь и крестить инородцевъ избѣгаешь?

— Я говоритъ, владыко, ѣздилъ и крестилъ, пока опыта не имѣлъ.

— Да, молъ; а опытъ получивши и пересталъ?

— Пересталъ.

— Что же сему за причина?

Вздохнулъ и отвѣчаетъ:

— Въ сердцѣ моемъ сія причина, владыко, и Сердцевѣдецъ ее видитъ, что велика она и мнѣ немощному непосильна... Не могу!

И съ симъ въ ноги мнѣ поклонился.

Я его поднялъ и говорю:

— Ты мнѣ не кланяйся, а объясни: что ты откровеніе что ли какое получилъ, или съ самимъ Богомъ бесѣдовалъ?

Онъ съ кроткою укоризною отвѣчаетъ:

— Не смѣйся, владыко; я не Моисей, Божій избранникъ, чтобы мнѣ съ Богомъ бесѣдовать; тебѣ грѣхъ такъ думать.

Я устыдился своего пыла и смягчился, и говорю ему:

— Такъ что же? зачѣмъ дѣло?

— А затѣмъ, видно, и дѣло, отвѣчаетъ, что я не Моисей; что я, владыко, робокъ и свою силу-мѣру знаю: изъ Египта-то языческаго я

вывесть выведу, а Чермнаго моря не разсѣку и изъ степи не выведу, и воздвигну простыя сердца на ропотъ къ преобидѣ Духа Святаго.

Видя этакую образность въ его живой рѣчи, я было заключилъ, что онъ, вѣроятно, самъ изъ раскольниковъ, и спрашиваю:

— Да ты самъ-то какимъ чудомъ въ единеніе съ Церковью приведенъ?

— Я, отвѣчаетъ, въ единеніи съ нею съ моего младенчества и пребуду въ немъ даже до гроба.

И разсказалъ мнѣ препростое и престранное свое происхожденіе: отецъ у него былъ попъ, рано овдовѣлъ; повѣнчалъ какую-то незаконную свадьбу и былъ лишенъ мѣста, да такъ, что всю жизнь потомъ не могъ себѣ его нигдѣ отыскать, а состоялъ при нѣкоей пожилой важной дамѣ, которая всю жизнь съ мѣста на мѣсто ѣздила, и, боясь умереть безъ покаянія, для этого случая сего попа при себѣ возила. Ѣдетъ она,—онъ на передней лавочкѣ съ нею въ каретѣ сидитъ; а она въ домъ войдетъ,—онъ въ передней съ лакеями

ее ожидаетъ. И можете себѣ вообразить человѣка, у котораго этакая была вся жизнь! А между тѣмъ, онъ, не имѣя уже своего алтаря, питался буквально отъ своей дароносицы, которая съ нимъ за пазухою путешествовала, и на сынишку онъ у этой дамы какія то крохи вымаливалъ, чтобы въ училищѣ его содержать. Такъ они и въ Сибирь попали: барыня сюда поѣхала дочь навѣстить, которая была тутъ за губернаторомъ замужемъ и попа съ дароносицей на передней лавочкѣ привезла. Но какъ путь былъ далекій, да къ тому же еще барыня тутъ долго оставаться собиралась, то попикъ, любя сынишку, не соглашался безъ него ѣхать. Барыня подумала, подумала и, видя, что ей родительскихъ чувствъ не переупрямить, согласилась и взяла съ собою и мальчишку. Такъ онъ сзади за каретою переѣхалъ изъ Европы въ Азію, имѣя присемъ путевымъ долгомъ охранять своимъ присутствіемъ привязанный на запяткахъ чемоданъ, на которомъ и самого его привязали, дабы сонный не свалился. Тутъ и его барыня, и его

отецъ умерли, а онъ остался, за бѣдностію курса не кончилъ, въ солдаты попалъ, этапъ водилъ. Имѣя меткій глазъ, по приказанію начальства, не цѣлясь, вдогонъ за какимъ-то бѣглымъ пулю пустилъ и безъ всякаго желанія на свое горе убилъ того. И съ той поры онъ все страдалъ, все мучился и, сдѣлавшись негоднымъ къ службѣ, въ монахи пошелъ, гдѣ его отличное поведеніе было замѣчено, а знаніе инородческаго языка и его религіозность побудили склонить его къ миссіонерству.

Выслушалъ я эту простую, но трогательную повѣсть старика и стало мнѣ его до жутко-сти жалко и, чтобы перемѣнить съ нимъ тонъ, я ему говорю:

— Такъ, стало быть, это, что подозрѣва-ютъ, будто ты чудеса какія нибудь видѣлъ, это неправда?

Но онъ отвѣчаетъ.

— Отчего же, владыко, неправда.

— Какъ?... такъ ты видѣлъ чудеса?

— Кто же, владыко, чудесъ не видалъ?

— Однако?

— Что однако? куда ни глянь—все чудо: вода ходитъ въ облакѣ, воздухъ землю держитъ, какъ перышко; вотъ мы съ тобою прахъ и пепелъ, а движимся и мыслимъ, и то мнѣ чудесно; а умремъ и прахъ разсыпется, а духъ пойдетъ къ Тому, Кто его въ насъ заключилъ. И то мнѣ чудно: какъ онъ безъ него пойдетъ? кто ему крыла дастъ яко голубицѣ, да полетитъ и почіетъ?

— Ну, это-то молъ мы оставимъ другимъ разсуждать, а ты скажи мнѣ, не виляя умомъ: не было ли съ тобою—то въ жизни какихъ либо необычайныхъ явленій или чего иного въ семъ родѣ?

— Было отчасти и это.

— Что же такое?

— Очень, говоритъ, владыко, съ дѣтства я былъ взысканъ Божіею милостію и недостойно получалъ дважды чудесныя заступленія.

— Гмъ? разсказывай.

— Первый разъ это было, владыко, въ сущемъ младенчествѣ; въ третьемъ классѣ я былъ еще и очень мнѣ въ поле гулять идти

хотѣлось. Мы трое мальчишекъ пошли у смотрителя рекреацію просить, да не выпросили и рѣшились солгать, а зачинщикъ всему тому я былъ. „Давай, говорю, ребята, всѣхъ обманемъ, побѣжимъ и закричимъ: „отпустилъ, отпустилъ“! Такъ и сдѣлали; всѣ съ нашего слова и разбѣжались изъ классовъ и пошли гулять и купаться, да рыбчонку ловить. А къ вечеру на меня страхъ и напалъ: что мнѣ будетъ, какъ домой вернемся? запоретъ смотритель. Прихожу и гляжу уже и розги въ лохани стоятъ; я скорѣй драла, да въ баню, спрятался подъ полокъ, да и ну молиться: „Господи! хоть нельзя, чтобы меня не пороть, но сдѣлай, чтобы не пороли“! И такъ усердно объ этомъ въ жару вѣры молился, что даже запотѣлъ и обезсилѣлъ; но тутъ вдругъ на меня чудной прохладой тихой повѣяло и у сердца какъ голубокъ тепленькій зашевелился и сталъ я вѣрить въ невозможность спасенія какъ въ возможное и покой ощутилъ и такую отвагу, что вотъ не боюсь ничего, да и кончено! И взялъ, да и спать легъ; а просыпа-

юсь, слышу: товарищи ребятишки весело кричатъ: „Кирюшка! Кирюшка! гдѣ ты? вылѣзай скорѣй,—тебя пороть не будутъ, ревизоръ пріѣхалъ и насъ гулять отпустилъ“.

— Чудо, говорю, твое простое.

— Просто и есть, владыко, какъ сама Троица во единицѣ—простое существо, отвѣчалъ онъ и съ неописаннѣйшимъ блаженствомъ во взорѣ добавилъ:

— Да вѣдь какъ я, владыко, Его чувствовалъ-то! Какъ пришелъ-то Онъ, батюшка мой, отрадненькій! удивилъ и обрадовалъ. Самъ суди: всей вселенной Онъ не во обхватъ, а, видя ребячью скорбь, подъ банный полочекъ къ мальченкѣ подползъ въ дусѣ хлада тонка и за пазушкой обиталъ...

Я вамъ долженъ признаться, что я болѣе всякихъ представленій о Божествѣ люблю этого, нашего *русскаго Бога*, который творитъ себѣ обитель „за пазушкой“. Тутъ что намъ господа греки ни толкуй, и какъ ни доказывай, что мы имъ обязаны тѣмъ, что и Бога черезъ нихъ знаемъ, а не они намъ Его от-

крыли;—не въ ихъ пышномъ византійствѣ мы обрѣли Его въ дымѣ кажденій, а Онъ у насъ свой притоманный и по нашему, по просту, всюду ходитъ, и подъ банный полочекъ безъ ладона въ дусѣ хлада тонка проникнетъ, и за теплой пазухой голубкомъ приоборкается.

— Продолжай, говорю, отецъ Киріакъ, о другомъ чудѣ разсказа жду.

— Сейчасъ и про другое, владыко. Это было—какъ я сталъ уже дальше отъ Него, помаловѣрнѣе,—это было, какъ я сюда за каретою ѣхалъ. Взять меня надо было изъ россійскаго училища и сюда перевести передъ самымъ экзаменомъ. Я не боялся, потому что первымъ ученикомъ былъ и меня бы безъ экзамена въ семинарію приняли; а смотритель возьми, да и напиши мнѣ свидѣтельство во всемъ *посредственное*. „Это, говоритъ, нарочно, для нашей славы, чтобы тебя тамъ экзаменовать стали и увидали, каковыхъ мы за посредственныхъ считаемъ“. Горе было намъ съ отцомъ ужасное; а къ тому же, хотя отецъ меня и заставлялъ, чтобы я дорогою, на за-

пяткахъ сидя учился, но я разъ заснулъ и, черезъ рѣчку вбродъ переѣзжая, всѣ книжки свои потерялъ. Самъ горько плачучи, отецъ прежестоко меня за это на постояломъ дворѣ выпоролъ; а все-таки, пока мы до Сибири доѣхали, я все позабылъ и начинаю здѣшнему угоднику молиться: „батюшка, помоги! сдѣлай, чтобы меня безъ экзамена приняли“. Нѣтъ; какъ его ни просилъ, посмотрѣли на мое свидѣтельство и велѣли на экзаменъ идти. Прихожу печальный; всѣ ребята веселые и въ чехарду другъ черезъ дружку прыгаютъ; одинъ я такой, да еще другой, тощій, претощій мальчишка сидитъ, не учится, такъ, отъ слабости, говоритъ: „лихорадка забила“. А я сижу, гляжу въ книгу и начинаю въ умѣ перекоряться съ угодникомъ: „ну, что же думаю, вѣдь ужь какъ я тебя просилъ, а ты вотъ ничего и не сдѣлалъ!“ И съ этимъ всталъ чтобы пойдти воды напиться, а меня какъ что-то по самой серединѣ камеры хлопъ по затылку и на полъ бросило... Я подумалъ: это вѣрно угодникъ! помочь-то онъ мнѣ ничего не помогъ,

а вотъ драться, такъ ишь какъ дерется. Анъ, смотрю, нѣтъ: это не угодникъ, а просто тотъ больной мальчикъ черезъ меня прыгнуть вздумалъ, да, не осиливъ, и самъ упалъ и меня сбилъ. А другіе мнѣ говорятъ; „гляди-ка, чужакъ, у тебя рука-то мотается“. Попробовалъ, а рука сломана. Повели меня въ больницу и положили; а отецъ туда пришелъ и говоритъ: „не тужи, Кирюша, тебя, за то теперь безъ экзамена приняли“. Тутъ я и понялъ, какъ угодникъ-то все устроилъ и плакать сталъ... А экзаменъ-то легкій, прелегкій былъ, такъ что я его шутя бы выдержалъ.

— Ахъ ты, говорю, отецъ Киріакъ, отецъ Киріакъ? ты человѣкъ преутѣшительный!... Расцѣловалъ я его неоднократно, отпустилъ и, ни о чемъ болѣе не распрашивая, велѣлъ ему съ завтрашняго же дня ходить ко мнѣ, учить меня тунгузскому и якутскому языку.

III.

Но отступивъ со своею суровостію отъ Киріака, я за то напустился на прочихъ монаховъ своего монастырька, отъ коихъ, по правдѣ сказать, не видалъ ни Киріакова простодушія и никакого дѣла на службу Церкви полезнаго: живутъ себѣ этакимъ, такъ сказать, форпостомъ христіанства въ краю язычниковъ, а ничего, лѣнивцы, не дѣлаютъ,—даже языку туземному ни одинъ не озаботился научиться.

Щунялъ я ихъ, щунялъ келейно и наконецъ съ амвона на нихъ громыхнулъ словомъ царя Ивана къ преподобному Гурію, что „напрасно-де именуютъ чернецовъ ангелами; нѣтъ имъ съ ангелами сравненія, ни какого либо по-

добія; а должны они уподобляться апостоламъ, которыхъ Христосъ послалъ учить и крестить"!

Киріакъ приходитъ ко мнѣ на другой день урокъ давать и прямо мнѣ въ ноги:

— Что ты? что ты? говорю, подымая его; учителю благій, тебѣ это не довлѣетъ ученику въ ноги кланяться.

— Нѣтъ, владыко, ужь очень ты меня утѣшилъ, такъ утѣшилъ, что я и въ жизнь не чаялъ такого утѣшенія!

— Да чѣмъ, говорю, божій человѣкъ ты— такъ мною обрадованъ?

— А что велишь монахамъ учиться, да идучи *впередъ учить, а потомъ крестить*; ты правъ, владыко, что такой порядокъ устроилъ, его и Христосъ велѣлъ и приточникъ поучаетъ: „идеже нѣсть ученія души, нѣсть добра". Крестить-то они всѣ могучи, а обучить слову нетяги.

— Ну, ужь это, говорю, ты меня, братъ, кажется шире понялъ, чѣмъ я говорилъ; эдакъ вѣдь по твоему и дѣтей бы не надо крестить.

— Дѣти христіанскія другое дѣло, владыко.

— Ну да; и предковъ бы нашихъ князь Владиміръ не окрестилъ, если бы долго отъ нихъ наученности ждалъ.

А онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Эхъ, владыко, да вѣдь и впрямъ бы ихъ можетъ прежде поучить лучше было. А то, самъ чай въ лѣтописи читалъ, — все больно скоро варомъ вскипѣло „понеже благочестіе его со страхомъ бѣ сопряжено“. Платонъ митрополитъ мудро сказалъ: „Владиміръ поспѣшилъ, а греки слукавили — невѣждъ ненаученныхъ окрестили“. Что намъ ихъ спѣшкѣ съ лукавствомъ слѣдовать? вѣдь они, знаешь, „льстивы даже до сего дня“. И такъ, во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облекаемся. Тщетно это такъ крестить, владыко!

— Какъ, говорю, тщетно? отецъ Киріакъ, что ты это, батюшка, проповѣдуешь?

— А что же, отвѣчалъ, владыко, вѣдь это благочестивой тростью писано, что одно водное крещеніе невѣждѣ къ пріобрѣтенію жизни вѣчной не служитъ.

Посмотрѣлъ я на него и говорю серьезно.

— Послушай, отецъ Киріакъ, вѣдь ты еретичествуешь.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, во мнѣ нѣтъ ереси, я по тайноводству святаго Кирилла Іерусалимскаго православно говорю: „Симонъ волхвъ въ купѣли тѣло омочи водою, но сердце не просвѣти духомъ, и сниде, и изыде тѣломъ, а душою не спогребеся, и не возста“. Что окрестился, что выкупался, все равно христіанином не былъ. Живъ Господь и жива душа твоя, владыко; вспомни, развѣ не писано: будутъ и крещеные, которые услышатъ „не вѣмъ васъ“ и некрещеные, которые отъ дѣлъ совѣсти оправдятся и внидутъ, яко хранившіе правду и истину. Неужели же ты все это отмѣтаешь?

Ну, думаю, подождемъ объ этомъ бесѣдовать, и говорю:

— Давай-ка, говорю, братъ, не іерусалимскому, а дикарскому языку учиться, бери указку, да не больно сердись, если я не толковъ буду.

— Я не сердитъ, владыко, отвѣчаетъ; и точно — удивительно былъ благодушный и откровенный старикъ и прекрасно училъ меня. Толково и быстро открылъ онъ мнѣ всѣ таинства, какъ постичь эту молвь, такую бѣдную и немногословную, что ее едва ли можно и языкомъ назвать. Во всякомъ разѣ это не болѣе какъ языкъ жизни животной, а не жизни умственной; а между тѣмъ усвоить его очень трудно: обороты рѣчи краткіе и непеpіодическіе дѣлаютъ крайне затруднительнымъ переводы на эту молвь всякаго текста, изложеннаго по правиламъ языка выработаннаго, со сложными періодами и подчиненными предложеніями; а выраженія поэтическія и фигуральныя на него вовсе не переводимы, да и понятія ими выражаемыя остались бы для этого бѣднаго люда недоступны. Какъ разсказать имъ смыслъ словъ: „будьте хитры, какъ змѣи, и незлобливы, какъ голуби“, когда они и ни змѣи, и ни голубя никогда не видали и даже представить ихъ себѣ не могутъ. Нельзя имъ подобрать словъ: ни мученикъ, ни крестителъ,

ни предтеча, а Пресвятую Дѣву, если перевести по ихнему словами *шочмо Абя*, то выйдетъ не наша Богородица, а какое-то шаманское божество женскаго пола,—короче сказать — *богиня*. Про постъ же, или покаяніе, или про другія тайны вѣры еще труднѣе говорить, а строить имъ какую нибудь богословскую систему или просто слово молвить о рожденіи безъ мужа, отъ Дѣвы — и думать нечего, — они или ничего не поймутъ, и это самое лучшее, а то такъ прямо въ глаза разхохочутся.

Все это мнѣ передалъ Киріакъ и передалъ такъ превосходно, что я, узнавъ духъ языка, постигъ и весь духъ этого бѣднаго народа; и что всего мнѣ было самому надъ собою забавнѣе, что Киріакъ съ меня самымъ незамѣтнымъ образомъ всю мою напускную суровость сбилъ: между нами установились отношенія самыя пріятныя, легкія и такія шутливыя, что я, держась сего шутливаго тона при концѣ своихъ уроковъ, велѣлъ горшокъ каши сварить, положилъ на него серебряный

рубль денегъ, да чернаго сукна на рясу и понесъ все это, какъ выученикъ, къ Киріаку въ келью.

Онъ жилъ подъ колокольнею въ такой маленькой кельѣ, что какъ я вошелъ туда, такъ двоимъ и повернуться негдѣ, а своды прямо на темя давятъ; но все тутъ опрятно и даже на полутемномъ окнѣ съ рѣшоткою, въ разбитомъ варистомъ горшкѣ, астра цвѣтетъ.

Киріака я засталъ за дѣломъ,—онъ низалъ что-то изъ рыбьей чешуи и нашивалъ на холстикъ.

— Что ты это, говорю, стряпаешь?

— Уборчики, владыко.

— Какіе уборчики?

— А вотъ дѣвченкамъ маленькимъ дикарскимъ уборчики; онѣ на ярмарку пріѣзжаютъ, я имъ и дарю.

— Это ты язычницъ невѣрныхъ радуешь?

— И-и, владыко! полно-ка тебѣ все такъ „невѣрные“, да „невѣрные“; всѣхъ одинъ Господь создалъ; жалѣть ихъ слѣпыхъ надо.

— *Просвѣщать*, отецъ Киріакъ.

— Просвѣтить, говоритъ, хорошо это, владыко, просвѣтить. Просвѣти, просвѣти, и зашепталъ: „да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки, когда увидятъ добрыя твоя дѣла“.

— А я вотъ, говорю, къ тебѣ съ поклономъ пришелъ и за выучку горшокъ каши принесъ.

— Ну что же, хорошо, говоритъ; садись же и самъ при горшкѣ, посиди, — гость будешь.

Усадилъ онъ меня на обрубочекъ, самъ сѣлъ на другой, а кашу мою на скамью поставилъ и говоритъ:

— Ну покушай у меня, владыко; твоимъ же добромъ да тебѣ же челомъ.

Стали мы ѣсть со старикомъ эту кашу и разговорились.

IV.

Меня, по правдѣ сказать, очень занимало, что такое отклонило Киріака отъ его успѣшной миссіонерской дѣятельности и заставило такъ странно, по тогдашнему моему взгляду, почти преступно, или, во всякомъ случаѣ, соблазнительно относиться къ этому дѣлу.

— О чемъ, говорю, станемъ бесѣдовать: къ доброму привѣту хороша и бесѣда добрая; скажи же мнѣ: не знаешь ли ты—какъ намъ научить вѣрѣ вотъ этихъ инородцевъ, которыхъ ты все подъ свою защиту берешь?

— А учить надо, владыко; учить, да отъ добраго житія примѣръ имъ показать.

— Да гдѣ же мы съ тобою ихъ будемъ учить?

— Не знаю, владыко; къ нимъ бы надо съ наученіемъ идти.

— То-то и есть.

— Да, къ нимъ, владыко; и утромъ сѣять сѣмя и вечеромъ не давать отдыха рукѣ,—все сѣять.

— Хорошо говоришь, отчего же ты такъ не дѣлаешь?

— Освободи, владыко, не спрашивай.

— Нѣтъ, ужь разскажи.

— А требуешь разсказать, такъ поясни: зачѣмъ мнѣ туда идти.

— Учить и крестить.

— Учить? учить-то, владыко, неспособно.

— Отчего? врагъ что ли не даетъ.

— Нѣ-ѣтъ! что врагъ,—велика ли онъ для крещенаго человѣка особа: его однимъ пальчикомъ перекрести, онъ и сгинетъ: а вражки мѣшаютъ: вотъ бѣда!

— Что это за *вражки*?

— А вотъ куцые одѣтели, отцы благодѣтели приказные, чиновные, съ приписью подъячіе.

— Эти стало быть самого врага сильнѣй?

— Какъ же можно: сей родъ,—знаешь ничѣмъ ни не изимается, даже ни молитвою, ни постомъ.

— Ну, такъ надо, значитъ, просто крестить, какъ всѣ крестятъ.

— Крестить... проговорилъ за мною Кирiакъ и вдругъ замолчалъ и улыбнулся.

— Что же? продолжай.

Улыбка сошла съ губъ Киріака и онъ съ серьезною и даже суровою миною добавилъ:

— Нѣтъ, я скорохватомъ не хочу это дѣлать, владыко.

— Что-о-о!

— Я не хочу этого такъ дѣлать, владыко, вотъ что! отвѣчалъ онъ твердо и опять улыбнулся.

— Чего ты смѣешся? говорю. — А если я тебѣ велю крестить?

— Не послушаю, отвѣчалъ онъ, добродушно улыбнувшись и, фамильярно хлопнувъ меня рукою по колѣну, заговорилъ:

— Слушай, владыко: читалъ ты, или нѣтъ,— есть въ житіяхъ одна славная повѣсть.

Но я его перебилъ и говорю:

— Поосвободи, пожалуйста, меня съ житіями: здѣсь о словѣ Божіемъ, а не о преданіяхъ человѣческихъ. Вы чернецы знаете, что въ житіяхъ можно и того и другаго достать и потому и любите все изъ житій хватать.

А онъ отвѣчаетъ:

— Дай же мнѣ, владыко, кончить; можетъ я и изъ житій что нибудь прикладно скажу.

И разсказалъ старую исторію изъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ о двухъ друзьяхъ,— христіанинѣ и язычникѣ, изъ коихъ первый часто говорилъ послѣднему о христіанствѣ и такъ ему этимъ надокучилъ, что тотъ, будучи до тѣхъ поръ равнодушенъ, вдругъ сталъ ругаться и изрѣкать самыя злыя хулы и на Христа, и на христіанство. А при этомъ его подхватилъ конь и убилъ. Другъ, христіанинъ, видѣлъ въ этомъ чудо и былъ въ ужасѣ, что другъ его, язычникъ, оставилъ жизнь въ такомъ враждебномъ ко Христу настроеніи. Христіанинъ сокрушался объ этомъ и горько плакалъ, говоря: лучше бы я ему совсѣмъ ничего о

Христѣ не говорилъ,—онъ бы тогда на Него не раздражался и отвѣта бы въ томъ не далъ. Но, къ утѣшенію, его онъ извѣстился духовно, что другъ его принятъ Христомъ, потому что, когда язычнику никто не докучалъ настойчивостію, то онъ *самъ* съ собою размышлялъ о Христѣ и призвалъ Его въ своемъ послѣднемъ вздохѣ.

— А Тотъ, говоритъ, тутъ и былъ у его сердца: сейчасъ и обнялъ и обитель далъ.

— Это опять, значитъ, все дѣло свертѣлось „за пазушкой“?

— Да, за пазушкой.

— Вотъ это-то, говорю, твоя и бѣда, отецъ Киріакъ, что ты все на пазуху-то уже очень располагаешься.

— Ахъ, владыко, да какъ же на нее не полагаться: тайны-то уже тамъ очень большія творятся,—вся благодать оттуда идетъ: и материно молоко дѣтопитательное, и любовь тамъ живетъ и вѣра. Вѣрь такъ, владыко. Тамъ она, вся тамъ; сердцемъ однимъ ее только и вызовешь, а не разумомъ. Разумъ ее не со-

зидаетъ, а разрушаетъ: онъ родитъ сомнѣнія, владыко, а вѣра покой даетъ, радость даетъ... Это, я тебѣ скажу, меня обильно утѣшаетъ; ты вотъ глядишь — какъ дѣло идетъ, да сердишься, а я все радуюсь.

— Чему же ты радуешься?

— А тому, что все добро зѣло.

— Что такое: добро зѣло?

— Все, владыко: и что намъ указано, и что отъ насъ сокрыто; я думаю такъ, владыко, что мы всѣ на одинъ пиръ идемъ.

— Говори, сдѣлай милость, яснѣй: ты водное крещеніе-то просто на просто совсѣмъ отметаешь,—что ли?

— Ну вотъ и отметаю! Эхъ, владыко, владыко! сколько я лѣтъ томился, все ждалъ человѣка, съ которымъ бы о духовномъ свободно по духу побесѣдовать и, узнавъ тебя, думалъ, что вотъ такого дождался; а и ты сейчасъ, какъ стряпчій, за слово емлешься! Что тебѣ надо?—слово всяко ложь и я тожь. Я ничего не отметаю; а ты обсуди какіе мнѣ приклады разные приходятъ—и отъ любви, а

не отъ ненависти. Яви терпѣніе, — вслушайся.

— Хорошо, отвѣчаю, буду слушать, что ты хочешь проповѣдывать.

— Ну, вотъ мы съ тобою крещены, — ну, это и хорошо; намъ этимъ какъ билетъ данъ на пиръ; мы и идемъ, и знаемъ, что мы званы, потому что у насъ и билетъ есть.

— Ну!

— Ну, а теперь видимъ, что рядомъ съ нами туда же идетъ человѣкъ безъ билета. Мы думаемъ: „вотъ дурачекъ! даромъ идетъ; — не пустятъ его! Придетъ, а его привратники вонъ выгонятъ“. А придемъ и увидимъ: привратники-то его погонятъ, что билета нѣтъ; а хозяинъ увидитъ, да, можетъ быть, и пустить велитъ,—скажетъ: „ничего, что билета нѣтъ, — я его и такъ знаю: пожалуй входи“; да и введетъ, да еще, гляди, лучше иного, который съ билетомъ пришелъ, станетъ чествовать.

— Ты, говорю, это имъ такъ и внушаешь?

— Нѣтъ; что имъ это внушать? это я толь-

ко про себя такъ о всѣхъ разсуждаю, по Христовой доброти, да мудрости.

— Да то-то; мудрость-то Его ты понимаешь ли?

— Гдѣ, владыко, понимать!—ее не поймешь, а такъ... что сердце чувствуетъ, говорю. Я, когда мнѣ что нужно сдѣлать, сейчасъ себя въ умѣ спрашиваю: можно ли это сдѣлать во славу Христову? Если можно, такъ дѣлаю, а если нельзя—того не хочу дѣлать.

— Въ этомъ, значитъ, твой главный катихизисъ?

— Въ этомъ, владыко, и главный и неглавный, весь въ этомъ; для простыхъ сердецъ это, владыко, куда какъ сподручно! — просто вѣдь это: водкой во славу Христову упиваться нельзя; драться и красть во славу Христову нельзя; человѣка безъ помощи бросить нельзя... И дикари это скоро понимаютъ и хвалятъ: „хорошъ, говорятъ, вашъ Христосикъ—праведный“,—по ихнему это такъ выходитъ.

— Что же... это пожалуй хоть и такъ хорошо.

— Ничего, владыко, — изрядно; а вотъ что мнѣ не хорошо кажется: какъ придутъ новокрещенцы въ городъ и видятъ все, что тутъ крещеные дѣлаютъ, и спрашиваютъ: можно ли то во славу Христову дѣлать? что имъ отвѣчать, владыко: христіане это тутъ живутъ или нехристи? Сказать „нехристи“ — стыдно; назвать христіанами грѣха страшно.

— Какъ же ты отвѣчаешь?

Киріакъ только рукой махнулъ и прошепталъ:

— Ничего не говорю, а... плачу только.

Я понялъ, что его религіозная мораль попала въ столкновеніе съ своего рода „политикою“. Онъ Тертулліана „О зрѣлищахъ“ читалъ и вывелъ, что „во славу Христову“ нельзя ни въ театры ходить, ни танцовать, ни въ карты играть, ни многаго иного творить, безъ чего современные намъ наружные христіане уже и обходиться не умѣютъ. Онъ былъ своего рода новаторъ и, видя этотъ обветшавшій міръ, стыдился его и чаялъ новаго, полнаго духа и истины.

Какъ я ему это намекнулъ, онъ мнѣ сейчасъ и поддакнулъ.

— Да, говоритъ, да, эти люди плоть; — а что плоть-то показывать: ее надо закрывать. Пусть хотя не хулится черезъ нихъ имя Христово въ языцѣхъ.

— А зачѣмъ это къ тебѣ, говорятъ, будто инородцы и до сихъ поръ приходятъ?

— Вѣрятъ мнѣ и приходятъ.

— То-то; зачѣмъ?

— Поспорятъ когда или поссорятся, и идутъ,—разбери, говорятъ, по христосикову.

— Ты и разбираешь?

— Да, я обычай ихъ знаю; а умъ Христовъ приложу и скажу какъ быть.

— Они и примутъ?

— Примутъ; они Его справедливость любятъ; а другой разъ больные приходятъ, или бѣсные,— просятъ помолиться.

— Какъ же ты бѣсныхъ лечишь? отчитываешь, что ли?

— Нѣтъ, владыко; такъ помолюсь, да успокою.

— Вѣдь на это ихъ шаманы слывутъ искусниками.

— Такъ, владыко;—не ровенъ шаманъ; иные и впрямь немало тайныхъ силъ природныхъ знаютъ; ну да вѣдь и шаманы ничего... они меня знаютъ и иные сами ко мнѣ людей шлютъ.

— Откуда же у тебя съ ними такая пріязнь?

— А вотъ какъ: ламы буддійскіе на нихъ гоненіе сдѣлали, — ихъ этихъ шамановъ тогда наши чиновники много въ острогъ забрали, а въ острогѣ дикому человѣку скучно; съ иными Богъ вѣсть, что дѣется. Ну, я грѣшникъ въ острогъ ходилъ, калачиковъ для нихъ по купцамъ выпрашивалъ и такъ утѣшалъ.

— Ну, и что же?

— Благодарны, берутъ Христа ради и хвалятъ Его: хорошъ, говорятъ,—добръ. Да, владыко, они ничего сами не чуютъ, какъ края ризы Его касаются.

— Да вѣдь какъ, говорю, касаются-то? все вѣдь это безъ толку!

— И... владыко! что ты все сразу такъ суешься! Божіе дѣло своей ходой безъ суеты

идетъ. Не шесть ли водоносовъ были на пиру въ Канѣ, а вѣдь не всѣ ихъ чай сразу наполнили, а одинъ за другимъ наливали; Христосъ, батюшка, самъ уже на что великъ чудотворецъ, а и то слѣпому жиду прежде поплевалъ на глаза, а потомъ открылъ ихъ; а эти вѣдь еще слѣпѣе жида. Что отъ нихъ сразу-то много требовать? Пусть за краекъ Его ризочки держатся,—доброту его чувствуютъ, а Онъ ихъ самъ къ себѣ уволочетъ.

— Ну вотъ, уже и „уволочетъ“!

— А что же?

— Да, какія ты слова-то неумѣстныя употребляешь.

— А чѣмъ, владыко, неумѣстное, — слово препростое. Онъ, благодѣтель нашъ, вѣдь и самъ не боярскаго рода, за простоту не судится. Родъ Его кто исповѣсть; а Онъ съ пастухами ходилъ, съ грѣшниками гулялъ и шелудивой овцой не брезговалъ, а гдѣ найдетъ ее, взвалитъ себѣ, какъ она есть, на святыя рамена и тащитъ къ Отцу. Ну, а Тотъ... что Ему

дѣлать: не хочетъ Сына огорчить, — приметъ ради Его.

— Ну, говорю, хорошо; въ катихизаторы ты, братъ Киріякъ, совсѣмъ не годишься, а въ крестители, ты хоть и еретичествуешь немножко, однако пригоденъ и, какъ себѣ хочешь, а я тебя снаряжу крестить.

Но Киріакъ ужасно взволновался и разстроился.

— Помилуй, говоритъ, владыко: къ чему тебѣ меня нудить? да запретитъ тебѣ Христосъ это сдѣлать! И ничего изъ этого не послѣдуетъ, ничего, ничего и ничего?

— Отчего же это такъ?

— Такъ; потому что сія дверь для насъ затворена.

— Кто же ее затворилъ?

— А Тотъ, Который имѣетъ ключъ Давидовъ: „отверзаяй и никтоже отворитъ, затворяяй и никтоже отверзетъ“. Или ты Апокалипсисъ позабылъ?

— Киріакъ, говорю, многія книги безумнымъ тя творятъ.

— Нѣтъ, владыко, я не безуменъ, а ты меня если не послушаешь, то людей обидишь и Духа Святаго оскорбишь, и только однихъ приказныхъ обрадуешь, чтобы имъ въ отчетахъ больше хвастать.

Я его пересталъ слушать и даже не оставлялъ мысли современемъ его перекапризить и непремѣнно его послать. Но чтобы вы думали? — вѣдь не одинъ простосердечный, ветхозавѣтный Аммосъ, собирая ягоды, вдругъ сталъ пророчествовать, — и мой Киріакъ мнѣ напророчилъ, и его слова: „да запретитъ тебѣ Христосъ“ начали дѣйствовать. Въ это самое время я, какъ нарочно, получилъ изъ Петербурга извѣщеніе, что по, тамошнему благоусмотрѣнію, у насъ въ Сибири увеличивается число буддійскихъ капищъ и удвоиваются штаты ламъ. Я хоть и въ русской землѣ рожденъ и пріученъ былъ не дивиться никакимъ неожиданностямъ, но, признаюсь, этотъ порядокъ contra jus et fas изумилъ меня, а что гораздо хуже, — онъ совсѣмъ съ толку сбивалъ бѣдныхъ новокрещенцевъ, и можетъ быть еще большей жа-

лости достойныхъ миссіонеровъ. Вѣсть съ этимъ радостнымъ событіемъ, во вредъ христіанству и въ пользу буддизма, какъ вихремъ разнеслась по всему краю. Для ея распространенія скакали лошади, скакали олени, скакали собаки и Сибирь оповѣстилась, что „все преодолѣвшій и все отвергшій“ богъ Фо, въ Петербургѣ „одолѣлъ и отвергъ и Христосика“. Торжествующіе ламы увѣряли, что уже все наше верховное правительство и самъ нашъ Далай-Лама, то есть митрополитъ, приняли буддійскую вѣру. Перепугались миссіонеры, извѣстясь о семъ, не знали, что имъ дѣлать, иные изъ нихъ, кажется, отчасти сомнѣвались: ужь и впрямь не повернуло ли въ Петербургѣ дѣло на ламайскую сторону, какъ оно въ то тонкое и каверзливое время поворачивало на католическую, а нынѣ, въ сію многодумную и дурашливую пору, поворачиваетъ на спиритскую. Но нынче оно, разумѣется, совершается спокойнѣе, потому что теперь кумиръ хотя и ледащенькій выбранъ, но зато уже теперь и противъ этого рожна прать никому не

охота; но тогда еще этой хладнокровной выдержки не доставало во многихъ и, въ числѣ прочихъ, во мнѣ грѣшномъ. Я не могъ равнодушно смотрѣть на моихъ бѣдныхъ крестителей, которые *пѣшкомъ* плелись изъ степей ко мнѣ подъ защиту. Имъ однимъ по всему краю не было ни лошадиной клячи, ни оленя, ни собаки и они, Богъ ихъ знаетъ какъ, лѣзли пѣшіе по сугробамъ и пришли оборванные, обмаранные, истинно уже не какъ іереи Бога вышняго, а какъ настоящіе калѣки-перехожіе. Чиновники и заурядъ все управленіе, безъ зазрѣнія совѣсти, покровительствовали ламамъ. Мнѣ приходилось сражаться съ губернаторомъ, чтобы сей христіанскій бояринъ хотя малость остепенялъ своихъ пособниковъ, дабы они, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ открыто радѣли буддизму. Губернаторъ, какъ водится, обижался и у насъ съ нимъ закипѣла жестокая стычка: я ему на его чиновниковъ жалуюсь, — онъ мнѣ на моихъ миссіонеровъ пишетъ, что „никто-де имъ не мѣшаетъ, а они-де сами лѣнивые и не искусные“. А мои дезертировавшіе миссіоне-

ры въ свою очередь пищатъ, что имъ хотя, точно, рты тряпками не затыкаютъ, но нигдѣ ни лошадей, ни оленей не даютъ, потому что по степямъ, всюду, всѣ люди ламъ боятся.

— Ламы, говорятъ, богаты — они чиновниковъ деньгами дарятъ; а намъ дарить не чѣмъ.

Что же мнѣ было можно имъ въ утѣшеніе сказать? Сунноду что ли обѣщать представить, чтобы лавры и монастыри, имѣя „деньги многи“ подѣлились съ нашею бѣдностію и какую нибудь сумму на взятки приказнымъ отпустили, но боялся, что въ большихъ залахъ въ Сунодѣ, это, чего добраго, за нѣумѣстное сочтутъ, и, помолясь Богу, во вспомоществованіе на взятки, мнѣ откажутъ, пожалуй. А къ тому же еще и это средство въ нашихъ рукахъ могло быть не надежно: апостолы мои въ самихъ себѣ такую слабость мнѣ открыли, которая, въ связи съ обстоятельствами, получала очень важное значеніе.

— Насъ, говорятъ, за дикарей жалость беретъ; изъ нихъ съ этой возней совсѣмъ послѣдній толкъ выбьютъ; нынче мы ихъ крес-

тимъ, завтра ламы его обращаютъ и велятъ Христа порицать; а за штрафъ все, что попало, у нихъ берутъ. Обнищеваетъ бѣдный народъ и въ скотѣ и въ своемъ скудномъ разумѣ, — всѣ вѣры перепуталъ и на всѣ колѣна хромаетъ, а на насъ плачется.

Киріакъ этою борьбою очень интересовался и, пользуясь моимъ расположеніемъ, не разъ останавливалъ меня вопросами:

— Что тебѣ, владыко, вражки пишутъ? или:

— Что ты, владыко, вражкамъ написалъ?

Разъ даже онъ явился ко мнѣ съ просьбою:

— Посовѣтуйся со мною, владыко, какъ будешь вражкамъ писать?

Это было по случаю тому, что губернаторъ мнѣ ставилъ на видъ, что въ сосѣдней епархіи, при тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какихъ я находился, проповѣдь и крещеніе совершаются успѣшно, причемъ указывалъ мнѣ на какого-то миссіонера Петра, изъ зырянъ, который цѣлыми массами креститъ инородцевъ.

Такое обстоятельство меня смутило и я спросилъ сосѣдняго архіерея: такъ-ли это?

Тотъ отвѣчалъ, что дѣйствительно у него есть зырянинъ, попъ Петръ, который два раза ѣздилъ на проповѣдь и въ первый разъ „всѣ кресты раскрестилъ“; а во второй вдвое больше крестовъ взялъ и опять недостало, — съ одного на другаго на шеи перевѣшивалъ.

Киріакъ, какъ это услышалъ, такъ и всплакался.

— Боже мой, говоритъ, откуда еще ко всѣмъ бѣдамъ пришелъ сюда сей коварный строитель? онъ Христа въ Его же Церкви да Его же кровью затопитъ! Охъ бѣда! помилосердуй, владыко,—проси скорѣе архіерея, чтобы онъ унялъ своего слугу вѣрнаго, — оставилъ бы въ Церкви силъ хоть на сѣмена.

— Ты, говорю, отецъ Киріакъ, вздоръ говоришь; могу ли я отъ столь хвальной ревности человѣка удерживать?

— Ахъ, нѣтъ, молитъ, владыко, проси; вѣдь это тебѣ непонятно, а я такъ знаю, что значитъ теперь тамъ въ степяхъ дѣется. Это все не Христу, а вражкамъ его служба тамъ идетъ. Зальютъ, зальютъ они Его, голубчика, кровью

и на сто лишнихъ лѣтъ отъ Него народъ отпугаютъ.

Я, разумѣется, Киріака не послушалъ, а напротивъ написалъ къ сосѣднему архіерею, чтобы онъ далъ мнѣ своего зырянина на подержаніе, или, какъ сибирскіе аристократы по-французски говорятъ: „о прока“. Сосѣдъ мой, архіерей, въ это время уже, отбывъ сибирскую эпитимью, перемѣщался въ Россію и не постоялъ за своего досужаго крестителя. Зырянинъ былъ мнѣ присланъ: такой большебородый словоохотливый и, что называется, весь до дна маслянъ. Я его сейчасъ же отправилъ въ степь, а недѣли черезъ двѣ отъ него уже и радостныя вѣсти имѣлъ; доносилъ онъ мнѣ, что крститъ народъ на всѣ стороны. Одного онъ опасался: достанетъ ли у него крестовъ, которыхъ забралъ съ собою весьма изрядную коробку? Изъ сего я, не ошибаясь, могъ заключить, что уловъ въ мережи сего счастливаго ловца попадаетъ чрезвычайно обильный.

Вотъ, думаю, когда я досталъ себѣ, наконецъ, къ этому дѣлу настоящаго мастера! И

очень былъ этому радъ, да и какъ радъ-то! Откровенно скажу вамъ, — съ самой казенной точки зрѣнія,—потому что... и архіерей вѣдь тоже, господа, человѣкъ, и ему надокучитъ, какъ одна власть пристаетъ: „крести“, а другая—„пусти“... Ну ихъ совсѣмъ! скорѣй какъ нибудь кончить въ одну сторону, и какъ попался ловкій крестителъ, такъ пусть уже заурядъ все креститъ, авось и людямъ спокойнѣе станетъ.

Но Киріакъ не раздѣлялъ моего взгляда, и разъ иду я вечеромъ черезъ дворъ изъ бани и встрѣчаю его; онъ остановился и привѣтствуетъ меня:

— Здравствуй, владыко!

— Здравствуй, говорю, отецъ Киріакъ.

— Хорошо-ли вымылся?

— Хорошо.

— А зырянина-то отмылъ-ли?

Я разсердился.

— Это, говорю, что за глупость?

А онъ опять про зырянина.

— Онъ безжалостный, говоритъ, онъ и у

насъ теперь такъ крестить, какъ за Байкаломъ крестилъ; его крестниковъ черезъ это только мучаютъ, а они на Христа, батюшку, плачутся. Грѣхъ всѣмъ вамъ; а тебѣ больше всѣхъ грѣхъ, владыко!

Я Киріака счелъ за грубіяна, но слова-то его мнѣ все-таки въ душу запали. Что въ самомъ дѣлѣ? онъ вѣдь старикъ основательный,— на вѣтеръ болтать не станетъ: въ чемъ же тутъ секретъ? — какъ въ самомъ дѣлѣ взятый мною „о прокà“ досужій зырянинъ крестить? Я имѣлъ понятіе о религіозности зырянъ; они по преимуществу храмоздатели, — церкви у нихъ повсюду отличныя и даже богатыя, но, изъ всѣхъ глаголемыхъ христіанъ на свѣтѣ, они, должно сознаться, самые внѣшніе. Ни къ кому столько, какъ къ нимъ, не идетъ опредѣленіе, что унихъ „Богъ въ однихъ лишь образахъ, а не въ убѣжденіяхъ человѣка“; но вѣдь не сжетъ же этотъ зырянинъ дикарей огнемъ, чтобы они крестились? Быть этого не можетъ! Въ чемъ же тутъ дѣло? отчего зырянинъ успѣваетъ, а рус-

скіе не умѣютъ и отчего я этого о сю пору не знаю?

— А все отъ того, владыко, пришло мнѣ на мысль, что ты и тебѣ подобные себялюбивы да важны: „деньги многи“ собираете, да только подъ колокольнымъ звономъ разъѣзжаете; а про дальнія мѣста своей паствы мало думаете и объ нихъ по слухамъ судите. На безсиліе свое на родной землѣ норекаете, а сами все звѣзды хватать наровите, да вопрошаете: „что ми хощете дати, да азъ вамъ предамъ“? Берегись-ко братъ какъ бы и ты не таковъ же сталъ?

И ходилъ я ходилъ, этотъ вечеръ съ своею думою по моей пустой скучной залѣ и до тѣхъ поръ доходился, пока вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль: пробѣжать самому пустыню.

Такимъ образомъ я надѣялся уяснить себѣ если не все, то, по крайней мѣрѣ, очень многое. Да, признаюсь вамъ, и освѣжиться хотѣлось.

Для совершенія этого пути мнѣ, при моей неопытности, нуженъ былъ товарищъ, который

хорошо бы зналъ инородческій языкъ; но какого же товарища лучше желать, какъ Кіріака? И не откладывая этого по своей нетерпѣливости въ долгій ящикъ, я призвало Кіріака къ себѣ, открылъ ему свой планъ и велѣлъ собираться.

Онъ не противорѣчилъ; а, напротивъ, казалось, былъ даже очень радъ и, улыбаясь, повторялъ:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Откладывать было не зачѣмъ, и мы на другое же утро ранымъ-рано отпѣли обѣденку, одѣлись оба потуземному и выѣхали, держа путь къ самому сѣверу, гдѣ мой зырянинъ апостольствовалъ.

V.

Тихо прокатили мы первый день на доброй тройкѣ и все бесѣдовали съ отцемъ Киріакомъ. Любезный старикъ разсказывалъ мнѣ интересныя исторіи изъ инородческихъ религіозныхъ преданій, изъ коихъ меня особенно занимала повѣсть о пяти стахъ путешественникахъ, которые, подъ руководствомъ одного книжника—по ихнему „обушія“, пустились путешествовать по землѣ въ то еще время, когда, „побѣдившій силу бѣсовскую и отринувшій всѣ слабости“, богъ Шигемуни гостепріимствовалъ „непочатыми яствами“ въ Ширвасѣ. Повѣсть эта тѣмъ интересна, что въ ней чувствуется весь складъ и духъ религіозной фантазіи этого народа. Пятьсотъ пут-

никовъ, предводимые обушіемъ, встрѣчаютъ духа, который, чтобы устрашить ихъ, принимаетъ самый ужасный и отвратительный видъ и спрашиваетъ: „есть ли у васъ такія чудовища?“—„Есть гораздо страшнѣе“, отвѣчалъ обушій.—„Кто же они?“ — „Всѣ тѣ, которые завистливы, жадны, лживы и мстительны; они по смерти становятся чудовищами гораздо тебя страшнѣе и гаже“. Духъ скрылся и, превратясь гдѣ-то въ человѣка, такого сухаго и тощаго, что даже жилы его пристали къ костямъ, опять появился предъ путниками и говоритъ:— „Есть ли у васъ такіе люди?“ — „Какъ же, отвѣчаетъ обушій, гораздо суше тебя есть,— таковы всѣ, любящіе почести“.

— Гмъ, перебилъ я Киріака: это говорю, смотри уже, не на насъ ли архіереевъ мораль пущена?

— А Богъ вѣсть, владыко, и продолжаетъ: По нѣкоторомъ времени духъ явился въ видѣ прекраснаго юноши и говоритъ:—„А вотъ такіе у васъ есть ли?“—„Какъ же, отвѣчаетъ обушій, между людьми есть несравненно тебя пре-

краснѣе,—это тѣ, которые имѣютъ острое понятіе и, очистивъ свои чувства, благоговѣютъ къ тремъ изяществамъ:—Богу, вѣрѣ и святости. Сіи столь тебя красивѣе, что ты предъ ними никуда не годишься". Духъ разсердился и сталъ экзаменовать обушія другими манерами; онъ зачерпулъ въ горсть воды: — „Гдѣ, говоритъ, больше воды: въ морѣ или въ горсти?"— „Въ горсти болѣе, отвѣчалъ обушій". — „Докажи". — „Ну и докажу: повидимому судя, кажется, въ морѣ дѣйствительно болѣе воды, чѣмъ въ горсти, но когда придетъ время разрушенія міра и изъ нынѣшняго солнца выступитъ другое, огнепалящее, то оно изсушитъ на землѣ всѣ воды, и большія и малыя, — и моря, и ручьи, и потоки и сама Сумберъ-гора (Атласъ) разсыпется; а кто при жизни напоилъ своею горстью уста жаждущаго, или обмылъ своею рукою раны нищаго, — того горсть воды семь солнцъ не изсушатъ, а, напротивъ того, будутъ только ее разширять и тѣмъ самымъ увеличивать"... — Право, какъ вы хотите, а вѣдь это не совсѣмъ глупо,

господа? вопросилъ, пріостоновясь на минуту, разсказчикъ, а? Нѣтъ, взаправду, какъ вы это находите?

— Очень неглупо, совсѣмъ неглупо, владыко.

— Празнаюсь вамъ, и мнѣ это показалось пожалуй толковѣе иной протестантской проповѣди объ оправданіи безъ дѣлъ... Ну, впрочемъ, не все объ этомъ. Потомъ повели мы долгія бесѣды о томъ, какой способъ надо предпочесть всѣмъ другимъ для обращенія дикарей въ христіанство? Киріакъ находилъ, что съ ними надо какъ можно меньше обрядничать потому что они иначе Кирика съ его вопросами превзойдутъ о томъ: можно ли того причащать, кто яйцемъ въ зубы постучитъ; да не надо много и догматизировать, потому что ихъ слабый умъ устаетъ слѣдить за всякою отвлеченностью и силлогизаціею; а надо имъ просто разсказывать о жизни и о чудесахъ Христа, чтобы это представлялось имъ какъ можно живообразнѣе и чтобы ихъ бѣдной фантазіи было за что цѣпляться. Но главное: все на то напиралъ, что „кто премудръ и

худогъ, тотъ пусть покажетъ имъ отъ своего житія добраго; тогда они и Христа поймутъ, а иначе, говоритъ, плохо наше дѣло и истинная наша вѣра, хоть мы ее промежь нихъ и наречемъ, то будетъ она у нихъ подъ началомъ у неистинной: наша будетъ нареченная, а та дѣйствующая, — что въ томъ добра-то, владыко? Посуди: къ торжеству истинной вѣры это будетъ, или къ ея униженію? А еще того горше, какъ отъ нашего что возьмутъ, да не знать, что изъ него сдѣлаютъ. Нечего спѣшить нарекать, а надо насаждать; другіе придутъ—будутъ поливать, а возраститъ самъ Богъ... Не такъ ли, владыко, Апостолъ-то училъ, а? Вспомни его, должно быть такъ; а то, гляди, какъ бы не поспѣшить, да людей не насмѣшить и сатану не порадовать".

Я, по правдѣ сказать, внутренно во многомъ съ нимъ соглашался и не замѣтилъ, какъ въ простыхъ и мирныхъ съ нимъ разговорахъ провелъ весь день до вечера; а съ тѣмъ и нашъ конный путь кончился.

Переночевали мы съ нимъ у огонька въ юртѣ и на другое утро покатили на оленяхъ.

Погода стояла чудесная и ѣзда на оленяхъ очень меня занимала, хотя она, однако, несовсѣмъ отвѣчала моимъ о ней представленіямъ. Въ дѣтствѣ моемъ я очень любилъ смотрѣть на картинку, гдѣ былъ представленъ лапландецъ на оленяхъ. Но тѣ олени, на картинкѣ, были легкіе, быстроногіе, какъ вихри степные неслись, закинувъ назадъ головы съ вѣтвистыми рогами; и я, бывало, все думалъ: эхъ, кабы хоть разъ такъ прокатиться! Какая это, должно быть, пріятная быстрота при такой скачкѣ! А на дѣлѣ же оно выходило не такъ: передо мною были совсѣмъ не тѣ уносистые, рогатые вихри, а камолые, тяжеловатые увальни съ понурыми головами и мясистыми, разлатыми лапами. Бѣжали они побѣжкой нетвердою и неровною, склонивъ головы и съ такою задышкою, что инда съ непривычки жалость брала на нихъ смотрѣть, особливо какъ у нихъ ноздри замерзли и они рты поразинули. Такъ тяжело дышатъ, что

это густое дыханіе ихъ собирается облакомъ и такъ и стоитъ въ морозномъ воздухѣ полосою. И эта ѣзда, и грустное однообразіе степныхъ картинъ, которыя при ней открываются, производятъ такое скучное впечатлѣніе, что даже говорить не хочется, и мы съ Киріакомъ, ѣдучи два дня на оленяхъ, почти ни о чемъ и не бесѣдовали.

На третій день къ вечеру и этотъ путь прекратился: снѣга стали рыхлѣе и мы замѣнили нескладныхъ оленей собаками—такія сѣренькія, мохнатыя и востроухія, какъ волчки, и по волчьи почти и тявкаютъ. Запрягаютъ ихъ по многу, штукъ до пятнадцати, а почетному путнику пожалуй и больше зацѣпятъ, но салазки такія узенькія, что двоимъ рядомъ сидѣть невозможно и мы съ отцемъ Киріакомъ должны были раздѣлиться: на однѣхъ приходилось ѣхать мнѣ съ проводникомъ, а на другихъ Киріаку съ другимъ проводникомъ. Проводники оба казались равнаго достоинства, да и съ обличья ихъ одного отъ другаго даже и не отличишь, особенно какъ сво-

ими малицами закутаются,—точно банные обмылки: что одинъ, что другой — въ обоихъ одна красота. Но Киріакъ нашелъ въ нихъ разницу и непремѣнно настаивалъ, чтобы усадить меня съ тѣмъ, который ему казался надежнѣе; а въ чемъ онъ видѣлъ эту надежность—не объяснялъ.

— Такъ, говоритъ, владыко: ты въ этомъ краѣ неопытнѣе меня, такъ ты съ этимъ поѣзжай.—За это я его не послушалъ и сѣлъ съ другимъ. Поклажу свою мы раздѣлили: я взялъ себѣ въ ноги узелокъ съ бѣльемъ, да съ книгами, а Киріакъ надѣлъ на себя мурницу и дароносицу, да взялъ въ ноги кошель съ толокномъ, сухой рыбкой и прочей нашей незатѣйливой походной провизіей.

Усѣлись мы такъ, подоткнулись малицами; сверху по колѣнамъ оленьими кожами застегнулись и поскакали.

Ѣзда эта была гораздо быстрѣе, чѣмъ на оленяхъ, но за то сидѣть такъ худо, что у меня съ непривычки черезъ часъ же страшно спину разломило. Погляжу на Киріака,—онъ сидитъ

какъ воткнутый столбушекъ; а я такъ и вихляюсь по сторонамъ,—все балансъ хочу удержать и за этой гимнастикой даже не могъ и поговорить съ моимъ проводникомъ. Узналъ только, что онъ крещеный и окрещенъ недавно моимъ зыряниномъ; а поэкзаменовать его не успѣлъ. Къ вечеру я такъ измучился, что совсѣмъ держаться не могъ и пожаловался Киріаку.

— Плохо, говорю: меня что-то сразу уже очень разшатало.

— А все это отъ того, отвѣчаетъ, что ты меня не слушалъ,—не съ тѣмъ ѣдешь, съ которымъ я тебя сажалъ: этотъ лучше правитъ, покойнѣе. Яви ласку: пересядь завтра.

— Хорошо, говорю, изволь, пересяду, и точно, пересѣлъ и опять ѣдемъ.

Не знаю: понавыкъ ли я за прошлый день держаться на этихъ рожнахъ, или, дѣйствительно, этотъ проводникъ лучше своимъ орстелемъ правилъ, только мнѣ спокойнѣе ѣхалось, такъ что я даже могъ и побесѣдовать.

Спрашиваю его: крещеный онъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, бачка, моя некрещена, моя счастливая.

— Чѣмъ же ты такъ счастливъ?

— Счастливая, бачка; меня, бачка, Дзолъ-Дзаягачи, дала бачка. Она меня, бачка, бережетъ.

Дзолъ-Дзаягачи у шаманистовъ такая богиня, дарующая дѣтей и пекущаяся будто бы о счастіи и здоровьѣ тѣхъ, которые у нея вымолены.

— Такъ что же, говорю, а почему же не креститься-то?

— А она, бачка, меня не даетъ крестить.

— Кто это Дзолъ-Дзаягачи?

— Да, бачка, не даетъ.

— Ага, ну, хорошо, что ты мнѣ это сказалъ.

— Какъ же, бачка, хорошо?

— Да; вотъ я тебя за это на зло твоей Дзолъ-Дзаягачи и велю окрестить.

— Что ты, бачка, зачѣмъ Дзолъ-Дзаягачи сердить: она разсердится,—дуть станетъ.

— Очень она мнѣ нужна, твоя Дзолъ-Дзаягачи: окрещу, да и баста.

— Нѣтъ, бачка, она не дастъ обижать.

— Да какая тебѣ глупому въ этомъ обида?

— Какъ же, бачка, меня крестить, мнѣ много обида, бачка: зайсанъ придетъ — меня крещенаго бить будетъ, шаманъ придетъ — опять бить будетъ, лама придетъ — тоже бить будетъ и олешковъ сгонитъ. Большая, бачка, обида будетъ.

— Не смѣютъ они этого дѣлать.

— Какъ, бачка, не смѣютъ? смѣютъ, бачка, все возьмутъ; у меня дядю, бачка, уже разорили... Какъ же, бачка, разорили и брата, бачка, разорили.

— Развѣ у тебя есть братъ крещеный?

— Какъ же, бачка, есть братъ, бачка, есть.

— И онъ крещеный?

— Какъ же, бачка, крещеный, два раза крещеный.

— Что такое? два раза крещеный? Развѣ по два раза крестятъ?

— Какъ же бачка, крестятъ.

— Врешь!

— Нѣтъ, бачка, вѣрно: онъ одинъ разъ за

себя крестился, а одинъ разъ, бачка, за меня.

— Какъ за тебя? Что ты это за вздоръ мнѣ разсказываешь?

— Какой, бачка, вздоръ!—не вздоръ; я бачка, отъ попа спрятался, а братъ за меня крестился.

— Для чего же вы такъ смошенничали?

— Потому, бачка, что онъ добрый.

— Кто это: братъ-то твой, что ли?

— Да, бачка, братъ. Онъ сказалъ: „я все равно уже пропалъ,—окрещенъ, а ты спрячься,—я еще окрещусь“; я и спрятался.

— И гдѣ же онъ теперь твой братъ?

— Опять, бачка, креститься побѣжалъ.

— Куда же это его, бездѣльника, понесло?

— А туда, бачка, гдѣ нынѣ слыхать твердый попъ ѣздитъ.

— Ишь-ты! Что же ему до этого попа за дѣло?

— А свои у насъ тамъ, бачка, свои люди живутъ, хорошіе, бачка, люди, какъ же? ему,

бачка, жаль... онъ ихъ жалѣетъ, бачка, за нихъ креститься побѣжалъ.

— Да что же это за шайтанъ этотъ твой братъ? какъ онъ это смѣетъ дѣлать?

— А что, бачка? ничего: ему, бачка, ужь все равно, а тѣхъ, бачка, зайсанъ бить не будетъ и лама олешковъ не сгонитъ.

— Гмъ! надо однако твоего досужаго брата на примѣту взять. Скажи-ка мнѣ, какъ его зовутъ?

— Кузьма-Демьянъ, бачка.

— Кузьма или Демьянъ?

— Нѣтъ бачка,—Кузьма-Демьянъ.

— Это два имя.

— Нѣтъ, бачка, одно.

— Я тебѣ говорю два!

— Нѣтъ, бачка, одно.

— Ну, тебѣ, видно, это лучше знать.

— Какъ же, бачка, лучше.

— Это его Кузьмой и Демьяномъ при первомъ или при второмъ крещеніи назвали?

Вылупился и не понимаетъ; но, когда я ему повторилъ, онъ подумалъ и отвѣчаетъ:

— Такъ, бачка: это какъ онъ за меня крестился, тогда его стали Кузьма-Демьянъ дразнить.

— Ну, а послѣ перваго-то крещенія вы какъ его дразнили?

— Не знаю, бачка, забылъ.

— Но онъ-то, чай, это знаетъ?

— Нѣтъ, бачка, и онъ позабылъ.

— Быть, говорю, этого не можетъ!

— Нѣтъ, бачка, — вѣрно позабылъ.

— А вотъ я его велю розыскать и распрошу.

— Розыщи, бачка, розыщи; и онъ скажетъ, что позабылъ.

— Да только уже я его, братъ, какъ розыщу, такъ самъ зайсану отдамъ.

— Ничего, бачка; ему теперь, бачка, никто ничего,—онъ пропащій.

— Черезъ что же это онъ пропащій-то? черезъ то, что окрестился, что ли?

— Да, бачка; его шаманъ гонитъ, у него лама олешки забралъ, ему свой никто не вѣритъ.

— Отчего не вѣритъ?

— Нельзя, бачка, у насъ крещеному вѣрить, — не всякій вѣритъ.

— Что ты, дикій глупецъ, врешь! отчего нельзя крещеному вѣрить? Развѣ крещеный васъ идолопоклонниковъ хуже?

— Отчего, бачка, хуже, — одинъ человѣкъ.

— Вотъ видишь, и самъ согласенъ, что не хуже?

— Не знаю, бачка, — ты говоришь, что не хуже, и я говорю; а вѣрить нельзя.

— Почему же ему нельзя вѣрить?

— Потому, бачка, что ему попъ грѣхъ прощаетъ.

— Ну, такъ что же тутъ худаго? неужто же лучше безъ прощенія оставаться?

— Какъ можно, бачка, безъ прощенія оставаться! это нельзя, бачка. Надо прощенье просить.

— Ну, такъ я же тебя не понимаю; о чемъ ты толкуешь?

— Такъ, бачка, говорю: крещеный своруетъ, попу скажетъ, а попъ его, бачка, про-

стить; онъ и невѣрный, бачка, черезъ это у людей станетъ.

— Ишь ты какой вздоръ несешь! А по твоему—это, небось, негодится?

— Этакъ, бачка, негодится у насъ, негодится.

— А по вашему какъ бы надо?

— Такъ, бачка: у кого укралъ, тому назадъ принеси и простить проси; человѣкъ проститъ и Богъ проститъ.

— Да вѣдь и попъ человѣкъ: отчего же онъ не можетъ простить?

— Отчего же, бачка, не можетъ простить—и попъ можетъ. Кто у попа укралъ, того бачка и попъ можетъ простить.

— А если у другаго укралъ, такъ онъ не можетъ простить?

— Какъ же, бачка, нельзя, бачка: неправда, бачка, будетъ; невѣрный человѣкъ, бачка, вездѣ пойдетъ.

— Ахъ ты, думаю, чучело этакое неумытое, какія себѣ построенія настроилъ! и спрашиваю далѣе:

— А ты про Господа Іисуса Христа-то, что нибудь слыхалъ?

— Какъ же, бачка,—слыхалъ.

— Что же ты про Него слыхалъ?

— По водѣ, бачка, ходилъ.

— Гмъ, ну хорошо—ходилъ;—а еще что?

— Свинью, бачка, въ морѣ топилъ.

— А болѣе сего?

— Ничего, бачка, — хорошъ, жалостливъ, бачка, былъ.

— Ну какъ же жалостливъ? Что—онъ дѣлалъ?

— Слѣпому на глаза, бачка, плевалъ,—слѣпой видѣлъ; хлѣбца и рыбка народца кормилъ.

— Однако, ты, братъ, много знаешь.

— Какъ же, бачка, много знаю.

— Кто же тебѣ все это разсказалъ?

— А люди, бачка, говорятъ.

— Ваши люди?

— Люди-то? Какъ же, бачка, наши, наши.

— А они отъ кого слышали?

— Не знаю, бачка.

— Ну, а не знаешь ли ты: зачѣмъ Христосъ сюда на землю приходилъ?

Думалъ онъ, думалъ—и ничего не отвѣтилъ.

— Не знаешь? говорю.

— Не знаю.

Я ему все это какъ можно проще объясняю, а онъ не то слушаетъ, не то нѣтъ, а самъ все на собакъ погикиваетъ, да орстелемъ машетъ.

— Ну, понялъ ли, спрашиваю, что я тебѣ говорилъ?

— Какъ же, бачка, понялъ: свинью въ морѣ топилъ, слѣпомъ на глаза плевалъ, — слѣпой видѣлъ, хлѣбца—рыбка народца далъ.

Засѣли ему въ лобъ эти: свиньи въ морѣ, слѣпой, да рыбка, а дальше никакъ и не поднимется; и припомнились мнѣ Киріаковы слова объ ихъ жалкомъ умѣ и о томъ, что они сами не замѣчаютъ, какъ края ризы касаются. Что же? и этотъ, пожалуй, крайка коснулся, но ужь именно только коснулся, — чуть-чуть дотронулся; но какъ бы ему болѣе дать за нее ухватиться? И вотъ я и попробовалъ съ нимъ

какъ можно проще побесѣдовать о благѣ Христова примѣра и о цѣли Его прихода; но мой слушатель все одинаково невозмутимо орстелемъ помахиваетъ. Трудно мнѣ было себя обольщать: вижу, что онъ ничего не понимаетъ.

— Ничего, спрашиваю, не понялъ?

— Ничего, бачка,—все правду врешь: Онъ Христосикъ хорошъ.

— Хорошъ?

— Хорошъ, бачка,

— Вотъ ты бы Его и любилъ,

— Отчего, бачка, Его не любить?

— Что? ты можешь Его любить?

— Какъ же, бачка; я бачка Его и такъ люблю.

— Ну вотъ и молодецъ.

— Спасибо, бачка.

— Теперь, значитъ, тебѣ остается креститься: Онъ и тебя спасетъ?

— Дикарь молчитъ.

— Что же, говорю, пріятель: что ты замолчалъ?

— Нѣтъ, бачка.

— Что такое „нѣтъ бачка“?

— Не спасетъ, бачка; за Него зайсанъ бьетъ, шаманъ бьетъ, лама олешковъ сгонитъ,

— Да; вотъ главная бѣда!

— Бѣда, бачка.

— А ты и бѣду потерпи за Христа.

— На что, бачка,—Онъ, бачка, жалостливый: какъ я дохнуть буду, Ему самому меня жаль станетъ.

Хотѣлъ было сказать ему, что если онъ вѣритъ, что Христосъ его пожалѣетъ, то пусть вѣритъ, что Онъ же его можетъ и спасти; но воздержался, чтобы опять про зайсана да про ламу не слушать. Ясно, что Христосъ у этого человѣка былъ въ числѣ его добрыхъ и даже самыхъ добрыхъ божествъ, да только не изъ сильныхъ: добръ, да не силенъ, — не заступается, — ни отъ зайсана, ни отъ ламы не защищаетъ. Что же тутъ дѣлать, какъ дикаря переувѣрить въ этомъ, когда Христову сторону поддержать не съ кѣмъ, а для той много подпоръ? Католическій проповѣдникъ въ такомъ случаѣ схитрилъ бы, какъ они въ Китаѣ

хитрили: положилъ бы Буддѣ къ ногамъ крестикъ да и кланялся и, ассимилировавъ и Христа, и Будду, кичился бы успѣхомъ; протестантскій проповѣдникъ втолковалъ бы такого Христа, что въ Него и вѣрить нечего, а такъ только... думай о Немъ благопристойно и хорошъ будешь. Но тутъ и это трудно: чѣмъ этотъ мой молодецъ станетъ раздумывать, когда у него вся думалка комомъ смерзлась и ему ее оттаять негдѣ.

Припомнилось мнѣ, какъ Карлъ Эккартсгаузенъ превосходно, въ самыхъ простыхъ сравненіяхъ, умѣлъ представлять простымъ людямъ великость жертвы Христова пришествія на землю, сравнивая это, какъ бы кто изъ свободныхъ людей, по любви къ заключеннымъ злодѣямъ, самъ съ ними заключался, чтобы терпѣть ихъ злонравіе. Очень просто и хорошо; но вѣдь у моего слушателя, благодаря обстоятельствамъ, нѣтъ большихъ злодѣевъ, какъ тѣ, отъ кого онъ бѣгаетъ изъ страха, чтобы его не окрестили; нѣтъ у него такого мѣста, которое могло бы произвести ужасъ

въ сравненіи съ страшнымъ мѣстомъ его всегдашняго обитанія... Ничего съ нимъ не подѣлаешь: ни Массильономъ, ни Бурдалу, ни Экартсгаузеномъ, — вонъ онъ себѣ тычетъ орстелемъ въ снѣгъ да помахиваетъ, рожа обмылкомъ — ничего не выражаетъ; въ глядѣлкахъ, которыя стыдъ глазами звать,—ни въ одномъ ни искры душевнаго свѣта; самые звуки словъ, выходящихъ изъ его гортани, какіе-то мертвые: въ горѣ ли, въ радости ли — все одно произношеніе, вялое и безстрастное, — половину слова гдѣ-то въ глоткѣ выговорить, — половину, въ зубахъ сожметъ. Гдѣ ему съ этими средствами искать отвлеченныхъ истинъ и что ему въ нихъ? Они ему бремя: ему надо вымирать со всѣмъ родомъ своимъ, какъ вымерли ацтеки, вымираютъ индѣйцы... Ужасный законъ! Какое счастье, что онъ его не знаетъ,—и знай тычетъ себѣ орстелемъ, — тычетъ направо, тычетъ налѣво; не знаетъ, куда меня мчитъ, зачѣмъ мчитъ и зачѣмъ, какъ дитя простой душою, открываетъ мнѣ во вредъ себѣ свои завѣтныя тайны...

Малъ весь талантъ его и... благо ему: мало съ него спросится... А онъ все несется, несется въ безбрежную даль, и машетъ своимъ орстелемъ, который, мигая передъ моими глазами, началъ дѣйствовать на меня какъ маятникъ. Меня замаячило; эти мѣрные взмахи, какъ магнитизерскіе пассы, меня путали сонною сѣтью; подъ темя тѣснилась дремя и я тихо и сладко уснулъ,—уснулъ для того, чтобы проснуться въ положеніи, отъ котораго да сохранитъ Господь всякую душу живую!

VI.

Я спалъ очень крѣпко и, вѣроятно, довольно долго, но вдругъ мнѣ показалось, что меня какъ будто что-то толкнуло и я сижу, накренясь на бокъ. Я въ полуснѣ еще хотѣлъ поправиться, но вижу, что меня опять кто-то пошатнулъ назадъ; а вокругъ все воетъ... Что такое?—хочу посмотрѣть, но нечѣмъ смотрѣть,—глаза не открываются. Зову своего дикаря.

— Эй, ты, пріятель! гдѣ ты?

А онъ на самое ухо кричитъ мнѣ:

— Здѣсь, бачка,—прочкнись скорѣй! застынешь!

— Да что это, я говорю, не могу глазъ открыть?

— Сейчасъ, бачка, откроешь.

— И съ этими словами—что бы вы думали?—взялъ да мнѣ въ глаза и плюнулъ, и ну своимъ оленьимъ рукавомъ тереть.

— Что ты дѣлаешь?

— Глаза тебѣ, бачка, протираю.

— Пошелъ ты...

— Нѣтъ, погоди, бачка, сейчасъ глядѣть станешь.

И точно, какъ онъ провелъ мнѣ своимъ оленьимъ рукавомъ по лицу, мои смерзшіяся вѣки оттаяли и открылись. Но для чего? что было видѣть? Я не знаю, можетъ ли быть страшнѣе въ аду: вокругъ мгла была непроницаемая, непроглядная темь—и вся она была какъ живая: она тряслась и дрожала, какъ чудовище, — сплошная масса льдистой пыли была его тѣло, останавливающій жизнь холодъ — его дыханіе. Да, это была смерть въ одномъ изъ самыхъ грозныхъ своихъ явленій и, встрѣтясь съ ней лицомъ къ лицу, я ужаснулся.

Все, что я могъ проговорить, это былъ воп-

росъ о Киріакѣ,—гдѣ онъ? Но говорить было такъ трудно, что дикарь ничего не слышалъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ, говоря мнѣ, нагибался и кричалъ мнѣ подъ треухъ въ самое ухо и самъ я подъ треухъ ему закричалъ:

— А гдѣ наши другіе сани?

— Не знаю, бачка,—насъ разбило.

— Какъ разбило?

— Разбило, бачка.

Я хотѣлъ этому не вѣрить; хотѣлъ оглянуться, но никуда, ни въ одну сторону не видать ничего: кругомъ адъ темный и кромѣшный. Подъ самымъ моимъ бокомъ у саней что-то копошилось, какъ клубъ, но не было никакихъ средствъ видѣть, что это такое? Спрашиваю дикаря, что это? тотъ отвѣчаетъ:

— А это, бачка, собачки спутались,—грѣются.

И вслѣдъ за тѣмъ онъ сдѣлалъ въ этой тьмѣ какое-то движеніе и говоритъ:

— Падай, бачка!

— Куда падать?

— Вотъ сюда, бачка,—въ снѣгъ падай.

— Погоди, говорю.

Мнѣ еще не вѣрилось, что я потерялъ своего Киріака, и я привсталъ изъ саней и хотѣлъ позвать его, но меня въ то же мгновеніе и сразу же задушило, точно какъ заткнуло всего этою ледяною пылью, и я повалился въ снѣгъ, причемъ довольно больно ударился головой о санную грядку. Подняться у меня не было никакихъ силъ, да и мой дикарь мнѣ не далъ бы этого сдѣлать. Онъ придержалъ меня и говоритъ:

— Лежи, бачка, смирно лежи, не околѣешь: снѣгъ замѣтетъ, тепло будетъ, а то околѣешь, лежи!

Ничего не оставалось, какъ его слушаться; и я лежу, и не трогаюсь, а онъ сволокъ съ салазокъ оленью шкуру, бросилъ ее на меня и самъ подъ нее же подобрался.

— Вотъ теперь, говоритъ, бачка хорошо будетъ.

Но это „хорошо“ было такъ скверно, что я въ ту же минуту долженъ былъ какъ можно рѣшительнѣе отворотиться отъ моего сосѣда

въ другую сторону, ибо присутствіе его на близкомъ разстояніи было невыносимо. Четвородневный Лазарь въ Виѳанской пещерѣ не могъ отвратительнѣе смердѣть, чѣмъ этотъ живой человѣкъ; это было что-то хуже трупа,—это была смѣсь вонючей оленьей шкуры, остраго человѣчьяго пота, копоти и сырой гнили, юколы, рыбьяго жира и грязи... О, Боже, о бѣдный я человѣкъ! Какъ мнѣ былъ противенъ этотъ, по образу Твоему созданный, братъ мой! О, какъ бы охотно я выскочилъ изъ этой вонючей могилы, въ которую онъ меня рядомъ съ собою укладывалъ, если бы только сила и мочь устоять въ этомъ метущемся адскомъ хаосѣ! Но ничего похожаго на такую возможность нельзя было и ждать, — и надо было покоряться.

Мой дикарь замѣтилъ, что я отъ него отвернулся, и говоритъ:

— Погоди, бачка, ты не туда морду клалъ;— ты вотъ сюда клади морду, вмѣстѣ дуть будемъ, — тепло станетъ.

Это даже слушать казалось ужасно!

Я притворился, что его не слышу, но онъ вдругъ какъ-то напружинился, какъ клопъ, перекатился черезъ меня и легъ прямо носъ къ носу и ну дышать мнѣ въ лицо съ ужаснымъ сапомъ и зловоніемъ. Сопѣлъ онъ тоже необычайно, точно кузнечный мѣхъ. Я никакъ не могъ этого стерпѣть, и рѣшился добиться, чтобы этого не было.

— Дыши, говорю, какъ нибудь потише.

— А что? ничего, бачка, я не устану: я тебѣ, бачка, морду грѣю.

„Мордою“ его я, разумѣется, не обижался, потому что не до амбиціи мнѣ было въ это время, да и, повторяю вамъ, у нихъ для оттѣнка такихъ излишнихъ тонкостей, чтобы отличать звѣриную морду отъ человѣческаго лица, и отдѣльныхъ словъ еще не заведено. Все морда: у него самого морда, у жены его морда, у его оленя морда, и у его бога Шигемони морда,—почему же у архіерея не быть мордѣ? Это моему преосвященству снести было нетрудно, но вотъ что трудно было: сносить это его дыханіе съ этой смердючей юколой и

какимъ-то другимъ отвратительнымъ зловоніемъ,—вѣроятно зловоніемъ его собственнаго желудка — противъ этого я никакъ не могъ стоять.

— Довольно, говорю, перестань; ты меня согрѣлъ, теперь болѣе не сопи.

— Нѣтъ, бачка, отчего не сопѣть?—теплѣй будетъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, ненадо: и такъ надоѣлъ,—ненадо!

— Ну ненадо, бачка, ненадо. Теперь спать будемъ.

— Спи.

— И ты, бачка, спи.

И въ ту же секунду, какъ это выговорилъ, точно муштрованная лошадь, которая сразу въ галопъ принимаетъ, такъ и онъ сразу же уснулъ и сразу же захрапѣлъ. Да вѣдь какъ же, злодѣй, захрапѣлъ! Я, признаюсь вамъ, съ дѣтства страшный врагъ соннаго храпа и гдѣ въ комнатѣ хоть одинъ храпливый человѣкъ есть, я уже мученикъ и ни за что уснуть не могу; а такъ какъ у насъ, въ семинаріи и

въ академіи, разумѣется, было много храпуновъ, и я ихъ поневолѣ много и прилежно слушивалъ, то, не въ смѣхъ вамъ сказать, я вывелъ себѣ о храпѣ свои наблюденія: по храпу, увѣряю васъ, все равно какъ по голосу, и по походкѣ, можно судить о темпераментѣ и о характерѣ человѣка. Увѣряю васъ — это такъ: задорный человѣкъ,—онъ и храпитъ задорно, точно онъ и во снѣ сердится; а товарищъ у меня по академіи весельчакъ и франтъ былъ, — такъ тотъ и храпѣлъ, какъ-то франтовски: — этакъ весело какъ-то, съ присвистомъ, точно въ своемъ городѣ въ соборъ идетъ новый сюртукъ обновлять. Его бывало даже изъ другихъ камеръ слушать приходили и одобряли его искусство. Но теперешній мой дикій сосѣдъ такую положительную музыку завелъ, что я никогда ни такого обширнаго діапазона, ни такого темпа еще не наблюдалъ и не слыхивалъ: точно какъ будто сильный густой рой гудитъ и въ звонкій сухой улей о стѣнки мягко бьется. Прекрасно этакъ, солидно, ритмически и мѣрно: у-у-у-у-бумъ,

бумъ, бумъ; у-у-у-у-бумъ, бумъ, бумъ... По моимъ наблюденіямъ, надлежало бы вывести, что это дѣйствуетъ человѣкъ обстоятельный, надежный; но, лиха бѣда, мнѣ не до наблюденій было: онъ такъ одолѣлъ совсѣмъ разбойникъ этимъ гуломъ! Терпѣлъ, терпѣлъ я, наконецъ, не выдержалъ, — толкнулъ его въ ребра.

— Не храпи, говорю.

— А что, бачка? зачѣмъ не храпѣть?

— Да ты ужасно храпишь: спать мнѣ не даешь.

— А ты самъ захрапи.

— Да я не умѣю храпѣть.

— А я, бачка, умѣю; и опять сразу въ галопъ загудѣлъ.

— Что ты съ этакимъ мастеромъ станешь дѣлать? Что ужь тутъ съ такимъ человѣкомъ спорить, который во всемъ превосходитъ: и о крещеньи больше меня знаетъ, по скольку разъ крестятъ, и объ именахъ свѣдущъ и храпѣть умѣетъ; а я не умѣю;—во всемъ передо мною преферансъ получаетъ,—надо ему и честь и мѣсто дать.

Попятился я отъ него, какъ могъ, немножко въ сторону, провелъ съ трудомъ руку за подрясникъ и пожалъ репетиръ: часы прозвонили всего три и три четверти. Это, значитъ, еще былъ день; вьюга, конечно, пойдетъ на всю ночь, можетъ быть и больше... Сибирскія вьюги вѣдь продолжительны. Можете себѣ представить: каково имѣть все это въ перспективѣ? А между тѣмъ положеніе мое все становилось ужаснѣе: сверху насъ, вѣрно, уже хорошо укрыло снѣгомъ и въ логовѣ нашемъ стало не только тепло, а даже душно; но за то и отвратительныя, вонючія испаренія становились все гуще,—отъ этого спертаго смрада у меня занимало дыханіе и очень жаль, что это сдѣлалось не сразу, потому что тогда я не испыталъ бы и сотой доли тѣхъ мученій, которыя ощутилъ, приведя себѣ на память, что съ моимъ отцомъ Киріакомъ пропала и моя бутылка съ подправленною коньякомъ водою и вся наша провизія... Я ясно видѣлъ, что если я не задохнусь здѣсь, какъ въ Черной Пещерѣ, то мнѣ навѣрно грозитъ самая

ужасная, самая мучительная изъ всѣхъ смертей,—голодная смерть и жажда, которая уже начала надо мною свое терзательство. О, какъ я теперь жалѣлъ, что не остался мерзнуть наверху и залѣзъ въ этотъ снѣжный гробъ, гдѣ мы двое лежали въ такой тѣснотѣ и подъ такимъ прессомъ, что всѣ мои усилія приподняться и встать были совершенно напрасны!

Съ величайшимъ трудомъ я доставалъ изъ-подъ своего плеча кусочки снѣгу и жадно глоталъ ихъ, одинъ за другимъ, но — увы! — это меня ни мало не облегчало: напротивъ, это возбуждало у меня тошноту и несносное жженіе въ горлѣ и желудкѣ, а особенно около сердца; затылокъ у меня трещалъ, въ ушахъ стоялъ звонъ и глаза гнело и выпирало на лобъ. А между тѣмъ пчелиный рой гудѣлъ все гуще и гуще, и все звонче бился объ улей. Такое ужасное состояніе продолжалось, пока часовой репетиръ сказалъ семь, — и затѣмъ я больше ничего не помню, потому что потерялъ сознаніе.

Это было величайшее счастіе, какое могло

посѣтить меня въ моемъ настоящемъ бѣдственномъ положеніи. Не знаю, отдыхалъ ли я въ это время сколько нибудь физически; но я по крайней мѣрѣ не мучился представленіемъ о томъ: что меня ожидало впереди и что, въ дѣйствительности, по ужасу своему далеко превзошло всѣ представленія встревоженной фантазіи.

VII.

Когда я пришелъ въ чувства, докучный сонъ отлетѣлъ, и я увидѣлъ себя на днѣ глубокой, снѣжной ямы; я лежалъ на самомъ ея днѣ, съ вытянутыми руками и ногами и не чувствовалъ ничего: ни холоду, ни голоду, ни жажды, — рѣшительно ничего! Только голова моя была до того мутна и безтолкова, что мнѣ порядочнаго труда стоило привести себѣ на память все, что со мною произошло, и въ какомъ я теперь нахожусь положеніи? Но наконецъ все это выяснилось и первая мысль, которая мнѣ пришла въ эту пору, была та, что мой дикарь очнулся ранѣе меня и улизнулъ одинъ, а меня бросилъ.

Оно, по здравому сужденію, ему такъ бы и

стоило со мною сдѣлать, особенно послѣ того, какъ я ему вчера нагрозилъ: и его крестить, и брата его Кузьму-Демьяна разыскивать; но онъ, по своему язычеству, не такъ поступилъ. Чуть я, съ трудомъ двинувъ моими набрякшими членами, сѣлъ на днѣ моей разрытой могилы, какъ увидалъ его шагахъ въ тридцати отъ меня. Онъ стоялъ подъ большимъ заиндевѣлымъ деревомъ и довольно забавно кривлялся, а надъ нимъ, на длинномъ суку, висѣла собака, у которой изъ распоротаго брюха ползли внизъ теплыя черева.

Я догадался, что это онъ жертву или, по ихнему, таилгу принесъ, и, по правдѣ сказать, не возропталъ, что это жертвоприношеніе его здѣсь задержало, пока я проснулся, и помѣшало ему меня бросить. А я вполнѣ былъ увѣренъ, что этотъ язычникъ непремѣнно долженъ былъ имѣть такое нехристіанское намѣреніе, и завидовалъ отцу Киріаку, который терпитъ теперь свою бѣду по крайней мѣрѣ хоть съ человѣкомъ крещенымъ, который все же долженъ быть благонадежнѣе моего нехрис-

тя. И отъ тяжкаго ли моего положенія, что ли, во мнѣ родилось даже такое подозрѣніе, что не слукавилъ ли со мною отецъ Киріакъ и, предусматривая всѣ больше меня ему извѣстныя случайности сибирскихъ путешествій, подъ видомъ доброжелательства, подсудобилъ мнѣ язычника, а себѣ отобралъ христіанина? Непохоже это конечно было на отца Киріака, и мнѣ даже и сейчасъ, когда я это вспоминаю, стыдно становится сей моей подозрительности; но что дѣлать, когда она явилась?

Вылѣзъ я изъ моей ямы и сталъ подбираться къ моему дикарю; онъ услыхалъ, какъ снѣгъ захрустѣлъ подъ моими ногами, и обернулся, но сейчасъ же опять сталъ продолжать попрежнему свои тайнодѣйствія.

— Ну, не довольно ли тебѣ кивать-то? сказалъ я, постоявъ возлѣ него съ минуту.

— Довольно, бачка, и сейчасъ же пошелъ къ санямъ и началъ цѣплять въ шорки остальныхъ собаченокъ. Закладка была готова и мы поѣхали.

— Кому ты это тамъ таилгу далъ? спросилъ я его, махнувъ назадъ головою.

— А не знаю, бачка.

— Да собачку-то ты кому пожертвовалъ: Богу или чорту — шайтану!

— Шайтану, бачка, какъ же, шайтану.

— За что же ты его угостилъ?

— А за то, бачка, что онъ насъ не заморозилъ: я ему, бачка, за это собачку далъ, — пусть его лопаетъ.

— Гмъ! да онъ-то пусть лопаетъ,—не облопается, а собаченку жаль.

— Чего, бачка, жаль: собачка плохая, скоро бы дохнуть стала, — ничего, бачка, пусть его беретъ—лопаетъ.

— Да; такъ ты съ разсчетомъ: дохленькую ему далъ...

— Какъ же, бачка.

— А скажи пожалуйста: куда мы это теперь ѣдемъ?

— Не знаю, бачка,—слѣдъ ищемъ.

— А гдѣ мой попъ—товарищъ?

— Не знаю, бачка.

— Какъ же намъ его найдти?

— Не знаю, бачка.

— Можетъ быть онъ замерзъ?

— Зачѣмъ, бачка, замерзъ: снѣгъ есть—не замерзнетъ.

Я вспомнилъ опять, что съ Киріакомъ есть еще и бутылка съ согрѣвающимъ питьемъ, и провизія, и успокоился. Со мною ничего этого не было, а я теперь охотно поѣлъ бы хоть собачьей юколы; но боялся о ней спросить, потому что неувѣренъ былъ—есть ли она съ нами?

Цѣлый день мы кружили какъ-то зря; я это видѣлъ если не по безстрастному лицу моего возницы, то по неспокойнымъ, неровнымъ и тревожнымъ движеніямъ его сабакъ, которыя все какъ-то прыгали, суетились и и безпрестанно метались изъ стороны въ сторону. Моему дикарю съ ними было много хлопотъ; но его неизмѣнное безстрастное равнодушіе не покидало его ни на минуту: онъ только работалъ своимъ орстелемъ какъ будто съ нѣсколько большимъ вниманіемъ, безъ

котораго намъ, конечно, въ этотъ день сто разъ быть бы выброшенными и остаться либо среди степи, либо гдѣ-нибудь подъ лѣсами, мимо которыхъ мы проѣзжали.

Но вотъ вдругъ одна собачка ткнулась мордою въ снѣгъ, дрыгнула задними лапами и пала. Дикарь, разумѣется, лучше меня зналъ, что это значитъ и какою угрожаетъ намъ новою бѣдою, но не выразилъ ни страха, ни смущенія: также, какъ и всегда, онъ твердою, но безстрастною, рукою застремилъ въ снѣгъ свой орстель и далъ мнѣ держать этотъ якорь нашего спасенія, а самъ поспѣшно сошелъ съ саней, вынулъ изнемогшаго пса изъ хомутика и потащилъ его взадъ, за сани. Я думалъ, что онъ хочетъ пришибить и закинуть куда нибудь бѣднаго пса; но, оглянувшись, увидѣлъ, что и эта собака уже виситъ на деревѣ и изъ нея опять ползутъ внизъ кровавыя черева. Отвратительное зрѣлище!

— Это что опять? крикнулъ я ему.

— А шайтану ее, бачка.

— Ну, братъ, довольно будетъ съ твоего

шайтана; много ему по двѣ собаки на день ѣсть.

— Ничего, бачка, пусть лопаетъ.

— Нѣтъ, не „ничего“, говорю, а если ты ихъ такъ будешь колоть, то ты ихъ всѣхъ шайтану переколешь.

— Я, бачка, ему тѣхъ даю, которыя дохнутъ.

— А ты бы ихъ лучше покормилъ.

— Нечѣмъ, бачка.

— Вотъ оно что!—это сказалось то самое, чего я и боялся.

А короткій день уже опять клонился къ вечеру и остальныя собаченки видимо совсѣмъ устали, изъ силъ выбились и начали какъ-то дико похаркивать и садиться. И вдругъ еще одна пала, а прочія всѣ, какъ по уговору, всѣ сразу сѣли на хвосты и завыли, точно тризну по ней правили.

Дикарь мой всталъ и хотѣлъ вздернуть шайтану третью собаку, но я ему этого на сей разъ уже рѣшительно не позволилъ. Такъ надоѣло мнѣ на это смотрѣть, да и казалось, что

эта мерзость какъ будто увеличивала ужасъ нашего положенія.

— Оставь, говорю, и не смѣй трогать: пусть издыхаетъ какъ ей пришлось.

Онъ и спорить не сталъ, но за то съ обычнымъ ему самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ выкинулъ самую неожиданную штуку. Онъ молча застремилъ свой орстель впереди саней и всѣхъ собаченокъ одну за другою отцѣпилъ и пустилъ ихъ на волю. Оголодалые псы, словно забыли истому: они взвизгнули, глухо затявкали, и понеслись всей стаей въ одну сторону и въ минуту же скрылись въ лѣсу за дальнимъ перелогомъ. Все это сталось такъ скоро, какъ въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ сказывается: „какъ садился Илья на коня, всѣ видѣли, а какъ уѣхалъ, того никто не видалъ“. Наша двигательная сила насъ оставила: мы *отъѣли;* отъ десятка нашихъ, нѣсколько дней тому назадъ, бодрыхъ собаченокъ, при насъ оставалась только одна, издохшая, которая валялась у нашихъ ногъ въ своемъ хомутишкѣ.

Дикарь мой стоялъ на этомъ позорищѣ, облокотясь на свой орстель, и съ тѣмъ же безстрастіемъ смотрѣлъ себѣ на ноги.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? воскликнулъ я.

— Пустилъ, бачка.

— Вижу, что пустилъ; а придутъ ли онѣ назадъ?

— Нѣтъ, бачка, не придутъ, — онѣ одичаютъ.

— Для чего же, для чего ты ихъ спустилъ?

— Лопать, бачка, хотятъ, — пусть звѣрька изловятъ,—лопать будутъ.

— А мы съ тобою что будемъ лопать?

— Нечего, бачка.

— Ахъ ты извергъ!

Онъ вѣрно не понялъ и ничего мнѣ не отвѣчалъ, но воткнулъ въ снѣгъ свой орстель и пошелъ. Никто бы не отгадалъ куда и зачѣмъ онъ отъ меня удалялся. Я его окликалъ, звалъ его вернуться назадъ, но онъ только взглянулъ на меня своимъ тупымъ взглядомъ, прорычавъ: „молчи, бачка“, и побрѣлъ дальше.

Скоро и онъ исчезъ за опушкой, и я остался одинъ одинешенекъ.

Надо ли вамъ распространяться о томъ, какъ ужасно было мое положеніе, или, можетъ быть, вы лучше поймете весь этотъ ужасъ изъ того, что я не думалъ ни о чемъ, кромѣ того, что я голоденъ, что мнѣ хочется не ѣсть, въ человѣческомъ смыслѣ желанія пищи, а жрать, какъ голодному волку. Я вынулъ мои часы, подавилъ репетиръ и былъ пораженъ новымъ сюрпризомъ: мои часы стояли, — чего съ ними никогда не случалось на заводѣ. Дрожащими руками я вложилъ въ нихъ ключъ и удостовѣрился, что онѣ стали потому, что весь заводъ сошелъ; а онѣ ходили около двухъ сутокъ на одномъ заводѣ. Это мнѣ открывало, что мы, ночуя подъ снѣгомъ, пролежали въ своей ледяной могилѣ *болѣе чѣмъ сутки!*... Сколько же?—можетъ быть двое, можетъ быть трое? Я болѣе не удивлялся, что я такъ мучительно и такъ страшно страдаю отъ голода... Я, значитъ, не ѣлъ, по крайней мѣрѣ, третьи

сутки и, сообразивъ это, почувствовалъ свой терзающій голодъ еще ожесточеннѣе.

Ѣсть, что нибудь ѣсть!—нечистое, гадкое, лишь бы ѣсть! вотъ все, что я понималъ, отчаянно водя вокругъ себя полными нестерпимой муки глазами.

VIII.

Мы стояли на плоскомъ возвышеніи: за нами была огромная, безбрежная степь, а впереди безконечное ея продолженіе, вправо обозначалась занесенная снѣгомъ низменность и перевалъ, за которымъ далеко синѣла на горизонтѣ гряда лѣса, куда скрылись наши собаки. Влѣво шла другая лѣсная опушка, вдоль которой мы ѣхали, пока вся наша сбруя не разстроилась. Сами мы стояли какъ разъ подъ большимъ сугробомъ, который видно намело на пригорокъ, покрытый высокими, подъ самое небо уходящими, пихтами и елинами. Томимый голодомъ, я стылъ, сидя на краю саней, и, не обращая вниманія ни на

что окружающее, не замѣтилъ, когда здѣсь очутился возлѣ меня мой дикарь. Я не видалъ ни того, какъ онъ подошелъ, ни того какъ онъ, молча, сѣлъ рядомъ со мною; теперь же, когда я обратилъ на него вниманіе, онъ сидѣлъ, поставивъ орстель въ колѣна, а руки завелъ за теплую малицу. Ни одна черта его лица не измѣнилась, ни одинъ мускулъ не двигался и глаза не выражали ничего кромѣ тупой и спокойной покорности.

Я взглянулъ на него и ни о чемъ его не спросилъ, а онъ, какъ до сихъ поръ никогда первый не заговаривалъ, и теперь не заговорилъ. Такъ мы и осмеркли, такъ и просидѣли рядомъ безконечную темную ночь, не сказавъ другъ другу ни слова.

Но чуть на небѣ начало слегка сѣрѣть, дикарь тихо поднялся съ саней, заложилъ руки поглубже за пазуху и опять побрелъ вдоль по опушкѣ. Долго его не было назадъ, я долго видѣлъ, какъ онъ бродилъ и все останавливался и станетъ и что-то долго, долго на деревьяхъ разглядываетъ и опять дальше по-

тянетъ. Итакъ, онъ, наконецъ, скрылся съ моихъ глазъ и потомъ опять также тихо и безстрастно возвращается и прямо съ приходу лѣзетъ подъ сани и начинаетъ тамъ что-то настроивать, или разстроивать.

— Что ты, спрашиваю, тамъ дѣлаешь? и при этомъ непріятно открываю, какъ у меня спалъ и даже совсѣмъ перемѣнился мой голосъ, между тѣмъ мой дикарь какъ и прежде говорилъ, такъ и теперь также, перекусывая звуки, отрываетъ.

— Лыжи, бачка, достаю.

— Лыжи! воскликнулъ я въ ужасѣ, тутъ только во всемъ значеніи понявъ, что такое значитъ „навострить лыжи“. Зачѣмъ ты лыжи достаешь?

— Сейчасъ убѣгу.

— Ахъ ты разбойникъ, думаю: куда же ты это побѣжишь?

— На праву руку, бачка, убѣгу.

— Зачѣмъ же ты туда побѣжишь?

— Лопать тебѣ принесу.

— Врешь, говорю,—ты меня здѣсь кинуть хочешь.

Но онъ ни мало не смутился и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я тебѣ лопать принесу.

— Гдѣ же ты мнѣ лопать возьмешь?

— А не знаю, бачка.

— Какъ же не знаешь: куда же ты бѣжишь?

— На праву руку.

— Кто же тамъ на правой рукѣ?

— Не знаю, бачка.

— А не знаешь, такъ чего же ты бѣжишь?

— Примѣту нашелъ, — чумъ есть.

— Врешь, говорю, любезный, ты меня одного здѣсь бросить хочешь.

— Нѣтъ; я лопать принесу.

— Ну, ступай, только ужь лучше не ври, а иди себѣ, куда знаешь.

— Зачѣмъ, бачка, врать, не хорошо врать.

— Очень, братъ, не хорошо; а ты врешь.

— Нѣтъ, бачка, не вру: поди со мной, я тебѣ примѣтку покажу.

И, зацѣпивъ лыжи и орстель, онъ поволокъ

ихъ за собою и меня взялъ за руку, привелъ къ одному дереву и спрашиваетъ:

— Видишь, бачка?

— Что же, говорю, дерево вижу,—больше ничего.

— А вонъ, на большомъ суку вѣтка на вѣткѣ — видишь?

— Ну, что же такое? вижу, есть вѣтка, — вѣрно вѣтеръ ее сюда забросилъ.

— Какой, бачка, вѣтеръ; это не вѣтеръ, а добрый человѣкъ ее посадилъ,—тутъ жилье есть.

— Ну, очевидное дѣло, что или онъ меня обманываетъ, или самъ обманывается; но что же мнѣ дѣлать? — силой мнѣ его не удержать, да и зачѣмъ я его стану удерживать? Не все ли равно, что одному, что вдвоемъ умирать съ холоду и голоду? — Пусть бѣжитъ и спасается, если можетъ спастись и говорю ему помонашески: „спасайся братъ“!

А онъ спокойно отвѣчаетъ „спасибо, бачка“ и съ этимъ утвердился на лыжахъ, заложилъ

орстель на плечи, шаркнулъ разъ ногой, шаркнулъ два и побѣжалъ. Черезъ минуту его уже и не видно стало, и я остался одинъ-одинешенекъ среди снѣга, холода и совсѣмъ уже изнурившаго меня мучительнаго голода.

IX.

Небольшой зимній сибирскій день я пробродилъ около саней, то присаживаясь, то снова поднимаясь, когда холодъ пересиливалъ несносныя муки голода. Ходилъ я, разумѣется, потихоньку, потому что и силъ у меня не было, да и отъ сильнаго движенія скорѣе устаешь, и тогда еще скорѣе стынешь.

Бродя все вблизи того мѣста, гдѣ меня кинулъ мой дикарь, я не разъ подходилъ и къ тому дереву, на которомъ онъ мнѣ указывалъ примѣтную вѣтку: прилежно я ее разсматривалъ и все еще болѣе убѣждался, что это просто вѣтка, заброшенная сюда вѣтромъ съ другаго дерева.

Обманулъ, говорилъ я себѣ, обманулъ онъ

меня, да и не поставится ему это въ грѣхъ: зачѣмъ ему было пропадать вмѣстѣ со мною, безъ всякой для меня пользы?

И нужно ли вамъ разсказывать, какъ тяжело и мучительно дологъ мнѣ казался этотъ кучый день? Я не вѣрилъ ни въ какую возможность спасенія и ждалъ смерти; но гдѣ она? зачѣмъ медлитъ и когда-то еще соберется припожаловать? Сколько я еще натерзаюсь прежде, чѣмъ она меня обласкаетъ и успокоитъ мои мученія? Скоро я сталъ замѣчать, что у меня начинаетъ минутами изнемогать зрѣніе: вдругъ всѣ предметы какъ бы сольются и пропадутъ въ какой-то сѣрой мглѣ, но потомъ опять вдругъ и неожиданно разъяснитъ... Кажется, это происходитъ просто отъ усталости, но не знаю, какую роль здѣсь играетъ перемѣна въ освѣщеніи: чуть освѣщеніе перемѣнится, становится снова видно и видно очень ясно и далеко, а потомъ опять затуманитъ. На часокъ выпрыгнувшее за далекими холмами, солнышко стало обливать покрывавшій эти холмы, снѣгъ удивительно чистымъ розо-

вымъ свѣтомъ,—это бываетъ тамъ передъ вечеромъ, послѣ чего солнце сейчасъ же быстро и скрывается и розовый свѣтъ тогда смѣняется самою дивною синевою. Такъ было и теперь: вокругъ меня вблизи все засинѣло, какъ будто сапфирною пылью обсыпалось, — гдѣ рытвинка, гдѣ ножной слѣдъ, или такъ просто, палкою въ снѣгъ ткнуто, — вездѣ какъ сизый дымокъ заклубился и черезъ малое время этой игры все сразу смеркло: степь какъ опрокинутою чашей покрыло и потомъ опять облегчаетъ... сѣрѣетъ... Съ этою послѣднею перемѣною, какъ изчезъ и сей удивительный голубой свѣтъ и перебѣжала мгновенная тьма, на моихъ усталыхъ глазахъ въ сѣрой мглѣ пошли отражаться разные удивительные степные фокусы: во-первыхъ, всѣ предметы начали принимать невѣроятные, огромные размѣры; наши салазки торчали какъ корабельный остовъ; заиндѣвѣлая дохлая собака казалась спящимъ бѣлымъ полярнымъ медвѣдемъ; а деревья какъ бы ожили и стали переходить съ мѣста на мѣсто, и все это такъ живо и инте-

ресно, что я, несмотря на мое печальное положеніе, готовъ былъ бы во все это съ любопытствомъ всматриваться, если бы не одно странное обстоятельство, которое меня отпугнуло отъ моихъ наблюденій и, пробудя во мнѣ новый страхъ, оживило съ нимъ вмѣстѣ и инстинктъ самосохраненія. Предъ моими глазами вдали, — въ полутьмѣ что-то мелькнуло, какъ темная стрѣла; затѣмъ другая, третья и вслѣдъ за тѣмъ въ воздухѣ раздался протяжный жалобный вой.

Я мигомъ сообразилъ, что это или волки, или наши отпущенныя собаки, которыя, вѣроятно, ничего съѣдомаго не нашли и звѣря не затравили, а, истомясь голодомъ, вспомнили о своей околѣвшей подругѣ и хотятъ воспользоваться ея трупомъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ ли это, или другіе — оголодавшіе ли псы, или волки но они мнѣ спуска не дадутъ, и хотя мнѣ по разуму собственно было бы легче быть сразу растерзаннымъ, чѣмъ долго терзаться голодомъ, однако инстинктъ самосохраненія взялъ свое и я съ ловкостью и съ быстро-

тою, какихъ, признаться сказать, никогда за собою не зналъ и отъ себя не чаялъ, взобрался въ своемъ тяжеломъ убранствѣ на самый верхъ дерева какъ векша и тогда лишь опомнился, когда выше было некуда лѣзть. Передо мною открывалась цѣлая необъятность и снѣга, и темнаго, какъ густая накипь, неба, на которомъ, изъ далекой непроглядной тьмы, зардѣлись красноватыя, безлучныя звѣзды; а, пока я окинулъ все это взглядомъ, внизу, почти у самаго корня моего дерева, произошла какая-то свалка: рванье, стонъ, опять потасовка, и опять стонъ, и вотъ опять во тьмѣ мелькнули въ розсыпь стрѣлы, и сразу все стихло, какъ будто ничего и не бывало. Настала такая невозмутимая тишина, что я слышалъ и свой собственный пульсъ внутри себя и свое дыханіе: оно какъ-то шумитъ, какъ сѣно, а если сильно вздохнуть, то точно электрическая искра тихо пощелкиваетъ въ невыносимо разрѣженномъ морозномъ воздухѣ, такомъ сухомъ и такомъ холодномъ, что даже мои волосы на бородѣ насквозь промерз-

ли и кололись, какъ проволоки, и ломались; я даже сейчасъ чувствую ознобъ при этомъ воспоминаніи, которому всегда помогаютъ мои съ той поры испорченныя ноги. Внизу, можетъ быть, было немножко теплѣе, а можетъ быть и нѣтъ; но я, во всякомъ случаѣ, не вѣрилъ, что нашествіе хищниковъ тамъ не повторится, и рѣшилъ до утра не сходить съ дерева. Это было не страшнѣе, чѣмъ закопаться подъ снѣгомъ съ моимъ зловоннымъ товарищемъ, да и вообще: что уже могло быть страшнѣе всего моего теперешняго положенія? Я только выбралъ поразбросистѣе развѣтвленіе и усѣлся въ немъ, какъ въ довольно спокойномъ креслѣ, такъ что если бы даже мнѣ и вздремнулось, то я ни за что не упалъ бы; а впрочемъ, для большей безопасности я крѣпко обхватилъ одинъ сукъ руками и завелъ ихъ обѣ поглубже за малицу. Позиція была хорошо выбрана и хорошо устроена: я сидѣлъ какъ примерзлый старый сычъ, на котораго вѣроятно похожъ былъ и съ вида. Часы мои давно уже не шли,

но отсюда для меня были прекрасно открыты Оріонъ и Плеяды — эти небесные часы, по которымъ я теперь могъ вести счетъ времени моихъ мученій. Я этимъ и занялся: сначала вычислилъ себѣ приблизительно данную минуту, а потомъ, такъ просто, безъ всякой цѣли, долго, долго глядѣлъ на эти странныя звѣзды, на совершенно черномъ небѣ, пока онѣ стали слабѣть и изъ золотыхъ сдѣлались мѣдяными и наконецъ совсѣмъ потемнѣли и сгасли.

Настало утро, такое же сѣрое и безрадостное. Мои часы, поставленные мною по расположенію Плеядъ, показали девять. Голодъ все ожесточался и мучилъ меня неимовѣрно: я уже не чувствовалъ ни томящаго запаха яствъ и никакого воспоминанія о вкусѣ пищи, а у меня просто была голодная боль: мой пустой желудокъ сучило и скручивало какъ веревку и причиняло мнѣ мученія невыносимыя.

Безъ всякой надежды найти что нибудь съѣстное, я спустился съ дерева и сталъ бродить. Въ одномъ мѣстѣ я поднялъ на снѣгу

еловую шишку. Сначала думалъ—не кедровая ли и нѣтъ ли въ ней орѣшковъ, но оказалось просто-на-просто обыкновенная еловая шишка. Я разломилъ ее, досталъ изъ нея зернушко и проглотилъ, но смолистый запахъ былъ такъ противенъ, что и пустой желудокъ не принялъ этого зерна и отъ этого боли мои только усилились. Въ это время я замѣтилъ, что около нашихъ брошенныхъ саней въ разныхъ направленіяхъ было множество недавнихъ слѣдовъ и что наша дохлая собака исчезла. За нею теперь, очевидно, былъ на очереди мой трупъ, на который сбѣжатся тѣ же волки и также скоро и хищно его между собою раздѣлятъ. Только когда же это будетъ? Неужели еще сутки? А ну, какъ еще болѣе?—Нѣтъ. Я припомнилъ себѣ одного фанатика запощеванца, который заморилъ себя голодомъ во славу Христову; онъ имѣлъ духъ отмѣчать дни своего томленія и насчиталъ ихъ девять... Это ужасно! Но тотъ голодалъ въ теплѣ, а я подвергаюсь этому при ужасномъ холодѣ; — это конечно должно дѣлать большую разницу. Си-

лы мои меня совсѣмъ оставили, — я уже не могъ согрѣвать себя движеніемъ и сѣлъ на сани. Даже сознаніе моей участи меня какъ будто покинуло: я чувствовалъ на вѣкахъ моихъ тѣнь смерти и томился только тѣмъ, что она такъ медленно уводитъ меня въ путь невозвратный. Вы поймете, что я такъ искренно желалъ уйти изъ этой мерзлой пустыни въ сборный домъ всѣхъ живущихъ и нимало не сожалѣлъ, что здѣсь, въ этой студеной тьмѣ, я постелю постель мою. Цѣпь мыслей моихъ порвалась, кувшинъ разбился и колесо надъ колодцемъ обрушилось: ни мыслей, ни даже обращенія къ небу въ самыхъ привычныхъ формахъ,—ничего, негдѣ и нечѣмъ стало почерпнуть. Я это созналъ и вздохнулъ.

Авва, Отче! не могу даже изнести Тебѣ покаянія, но Ты Самъ сдвинулъ свѣтильникъ мой съ мѣста, Самъ и поручись за меня передъ собою!

Это была вся моя молитва, которую я могъ собрать въ умѣ моемъ и затѣмъ ничего не помню, какъ шелъ этотъ день. Всеконечно,

съ твердостію могу уповать, что онъ былъ такой же точно, какъ и тотъ, что минулъ. Казалось мнѣ только, что я въ этотъ день видѣлъ будто бы вдали отъ себя два живыя существа, и это будто были двѣ какія-то птицы; онѣ мнѣ казались ростомъ съ сорокъ и статью похожія на сороку, но съ сквернымъ лохматымъ перомъ, въ родѣ совинаго. Передъ самымъ закатомъ солнца онѣ слетѣли откуда-то съ дерева на снѣгъ походили и улетѣли. Но, можетъ быть, мнѣ это только казалось въ моихъ предсмертныхъ галлюцинаціяхъ; однако; казалось это такъ живо, что я слѣдилъ за ихъ полетомъ и видѣлъ, какъ онѣ гдѣ-то вдали скрылись, какъ будто растаяли. Усталые глаза мои, дойдя до этого мѣста, такъ на немъ и стали, и остолбенѣли. Но, чтобы вамъ думалось: вдругъ я начинаю замѣчать въ этомъ направленіи какую-то странную точку, которой, кажется, здѣсь прежде не было. Притомъ же казалось, что она какъ будто движется, — хоть это было такъ незамѣтно, что движеніе ея скорѣй можно было отличать

внутреннимъ чутьемъ, а не глазами, но я былъ увѣренъ, что она движется.

Надежда на спасеніе заговорила и всѣ муки мои не въ силахъ были перекричать и заглушить ее; точка все росла и все яснѣе, и яснѣе опредѣлялась на этомъ удивительно нѣжно-розовомъ фонѣ. Миражъ ли это, столь возможный въ семъ пустынномъ мѣстѣ, при такомъ капризномъ освѣщеніи, или это дѣйствительно что-то живое спѣшитъ ко мнѣ, но оно во всякомъ случаѣ летитъ прямо на меня и именно не идетъ, а летитъ: я вижу, какъ *оно* чертитъ, наконецъ, различаю фигуру—вижу у нея ноги; я вижу какъ онѣ штрихуютъ одна за другою и... вслѣдъ затѣмъ, снова быстро перехожу отъ радости къ отчаянію. Да; это не миражъ — я его слишкомъ явно вижу; но за то это и не человѣкъ, какъ и не звѣрь. Вообще на землѣ нѣтъ во плоти ни одного такого существа, которое походило бы на это волшебное, фантастическое видѣніе, какое на меня надвигало, словно сгущаясь, складываясь, или, какъ господа спириты говорятъ нынѣ: „мате-

ріализуясь“ изъ игривыхъ тоновъ мерзлой атмосферы. Или меня обманываетъ мой глазъ и мое воображеніе, или, кто что ни говори, а это духъ. Какой? Кто ты? Неужто это мой отецъ Киріакъ спѣшитъ мнѣ на встрѣчу изъ царства мертвыхъ... А можетъ быть мы оба уже *тамъ*?... неужто я уже и кончилъ переходъ? Какъ хорошо! Какъ любопытенъ этотъ духъ, этотъ мой новый согражданинъ, въ новой жизни! Опишу его вамъ какъ умѣю: ко мнѣ плыла крылатая, гигантская фигура, которая вся съ головы до пятъ была облечена въ хитонъ серебряной парчи и вся искрилася; на головѣ огромнѣйшій, казалось чуть ли не въ сажень вышины, уборъ, который горѣлъ, какъ будто весь сплошь усыпанъ былъ брилліантами или точно это цѣльная брилліантовая митра... Все это точно у богато убраннаго индійскаго идола, и въ довершеніе сего сходства съ идоломъ и съ фантастическимъ его явленіемъ изъ-подъ ногъ моего дивнаго гостя брызжутъ искры серебристой пыли, по которой онъ точно несется на легкомъ облакѣ, по меньшей мѣрѣ, какъ сказочный Гермесъ.

И вотъ, пока я его разсматриваю, онъ, этотъ удивительный духъ, все ближе, ближе, и вотъ, наконецъ, совсѣмъ близко, и еще моментъ, и онъ, обрызгавъ всего меня снѣжной пылью, воткнулъ передо мною свой волшебный жезлъ и воскликнулъ:

— Здравствуй, бачка!

Я не вѣрилъ ни своимъ глазамъ, ни своему слуху: удивительный духъ этотъ былъ конечно онъ,—мой дикарь! Теперь въ этомъ нельзя было болѣе ошибаться: вотъ подъ ногами его тѣ же самые лыжи, на которыхъ онъ убѣжалъ, за плечами другія; передо мною воткнутъ въ снѣгъ его орстель, а на рукахъ у него цѣлая медвѣжья ляшка, совсѣмъ и съ шерстью, и со всей когтистой лапой. Но во что онъ убранъ, во что онъ преобразился?

Не дожидая съ моей стороны никакого отвѣта на свое привѣтствіе, онъ сунулъ мнѣ къ лицу эту медвѣжатину и промычавъ:

— Лопай, бачка! самъ сѣлъ на сани и началъ снимать съ своихъ ногъ лыжи.

X.

Припалъ къ окороку и грызъ, и сосалъ сырое мясо, стараясь утолить терзавшій меня голодъ и въ то же время смотрѣлъ на моего избавителя.

Что это такое было у него на головѣ, которая оставалась все въ томъ же дивномъ блестящемъ, высокомъ уборѣ?—никакъ я этого не могъ разобрать и говорю:

— Послушай, что это у тебя на головѣ?

— А это, отвѣчаетъ, то, что ты мнѣ денегъ не далъ.

Признаюсь, я не совсѣмъ понялъ, что онъ мнѣ этимъ хотѣлъ сказать, но всматриваюсь въ него внимательнѣе и открываю, что этотъ его высокій, брилліантовый головной уборъ есть

не что иное, какъ его же собственные длинные волосы; всѣ ихъ пропушило насквозь снѣжною пылью, и какъ онѣ у него на бѣгу развѣвались, такъ ихъ снопомъ и заморозило.

— А гдѣ же твой треухъ?

— Кинулъ.

— Для чего?

— А что ты мнѣ денегъ не далъ.

— Ну, говорю, я тебѣ точно забылъ денегъ дать,—это я дурно сдѣлалъ, но какой же жестокій человѣкъ этотъ хозяинъ, который тебѣ не повѣрилъ и въ такую стыдь съ тебя шапку снялъ.

— Съ меня шапки никто не снималъ.

— А какъ же это было?

— Я ее самъ кинулъ.

И разсказалъ мнѣ, что онъ по примѣткѣ весь день бѣжалъ, юрту нашелъ, — въ юртѣ медвѣдь лежитъ, а хозяевъ дома нѣтъ!

— Ну?

— Думалъ тебѣ долго ждать, бачка, — ты издохнешь.

— Ну?

— Я медвѣдь рубилъ и лыжу взялъ, и назадъ бѣжалъ, я ему шапку клалъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы онъ не ругалъ, бачка.

— Да вѣдь тебя этотъ хозяинъ не знаетъ.

— Этотъ, бачка, не знаетъ, а тотъ знаетъ.

— Который?

— Тотъ Хозяинъ, что сверху смотритъ.

— Сверху смотритъ?

— Да, бачка, какъ же: вѣдь онъ, бачка, все видитъ.

— Разумѣется.

— Какъ же, бачка. Онъ не любитъ кто худо сдѣлалъ.

Разсужденіе весьма близкое къ тому, какое высказалъ св. Сиринъ соблазнявшей его прелестницѣ, которая манила его къ себѣ въ домъ, а онъ приглашалъ ее согрѣшить всенародно на площади: та говоритъ: „тамъ нельзя: тамъ *люди увидятъ*“, а онъ говоритъ: „я на людей-то не очень бы посмотрѣлъ, а вотъ какъ бы насъ Богъ не увидалъ? Давай-ка лучше разойдемся“.

— Ну, братъ, подумалъ я, однако и ты отъ царства небеснаго недалеко ходишь; а онъ во время сей краткой моей думы кувыркнулся въ снѣгъ.

— Прощай, говоритъ, бачка, ты лопай, а я спать хочу.

И засопѣлъ своимъ могучимъ обычаемъ.

Это уже было темно; надъ нами опять разостлалось черное небо и по немъ, какъ искры по смолѣ, сверкали безлучныя звѣзды.

Я тогда уже немножко препитался, то есть проглотилъ нѣсколько кусочковъ сыраго мяса, и стоялъ съ медвѣжьимъ окорокомъ на рукахъ надъ спящимъ дикаремъ и вопрошалъ себя:

Что за загадочное странствіе совершаетъ этотъ чистый, высокій духъ въ этомъ неуклюжемъ тѣлѣ и въ этой ужасной пустынѣ? Зачѣмъ онъ воплощенъ здѣсь, а не въ странахъ, благословенныхъ природою? Для чего умъ его такъ скуденъ, что не можетъ открыть ему Творца въ болѣе пространномъ и ясномъ понятіи? Для чего, о Боже, ли-

шенъ онъ возможности благодарить Тебя за просвѣщеніе его свѣтомъ Твоего Евангелія? Для чего въ рукѣ моей нѣтъ средствъ, чтобы возродить его новымъ торжественнымъ рожденіемъ съ усыновленіемъ Тебѣ Христомъ твоимъ? Должна же быть на все это воля Твоя; если Ты, въ семъ печальномъ его состояніи, вразумляешь его какимъ-то дивнымъ свѣтомъ свыше, то я вѣрю, что сей свѣтъ ума его есть даръ Твой! Владыко мой, како уразумѣю: что сотворю, да не прогнѣвлю Тебя и не оскорблю сего моего искренняго?

И въ этомъ раздумьѣ не замѣтилъ я, какъ небо вдругъ вспыхнуло, загорѣлось и облило насъ волшебнымъ свѣтомъ: все приняло опять огромные, фантастическіе размѣры и мой спящій избавитель представлялся мнѣ могучимъ спящимъ сказочнымъ богатыремъ. Я пригнулся къ нему и сталъ его разсматривать, словно никогда его до сей поры не видѣлъ, и онъ мнѣ показался прекрасенъ. Мнилось мнѣ, что это былъ тотъ, на чьей шеѣ обитаетъ сила; тотъ, чья смертная нога идетъ въ путь, котораго

не знаютъ хищныя птицы; тотъ, передъ кѣмъ бѣжитъ ужасъ, сократившій меня до безсилія и уловившій меня, какъ въ петлю, въ мой собственный замыслъ. Скудно слово его; но за то онъ не можетъ утѣшать скорбное сердце движеніемъ губъ, а слово его это искра въ движеніи его сердца. Какъ краснорѣчива его добродѣтель и кто рѣшится огорчить его?... во всякомъ разѣ не я. Нѣтъ, живъ Господь, огорчившій ради его душу мою, это буду не я. Пусть плечо мое отпадетъ отъ спины моей и рука моя отломится отъ моего локтя, если я подниму ее на сего бѣдняка и на бѣдный родъ его! Прости меня, блаженный Августинъ! а я и тогда разномыслилъ съ тобою, и сейчасъ съ тобою не согласенъ: что будто „самыя добродѣтели языческія суть только скрытые пороки“. Нѣтъ; сей, спасшій жизнь мою, сдѣлалъ это не по чему иному, какъ по добродѣтели, самоотверженному состраданію и благородству; онъ, не зная апостольскаго завѣта Петра, „мужался ради меня (своего недруга) и предавалъ душу свою въ благотво-

реніе". Онъ покинулъ свой треухъ и бѣжалъ сутки въ ледяной шапкѣ, конечно, движимый не однимъ *естественнымъ* чувствомъ состраданія ко мнѣ, а имѣя также religio; дорожа *воссоединеніемъ* съ тѣмъ Хозяиномъ, „который сверху смотритъ". Что же я съ нимъ сотворю теперь? Возьму ли я у него эту религію и разобью ее, когда другой, лучшей и сладостнѣйшей я лишенъ возможности дать ему, доколѣ „слова путаютъ смыслъ смертнаго", а дѣлъ для плѣненія его показать невозможно? Неужто я стану страхомъ его нудить, или выгодою защиты обольщать? Никогда! да не будетъ онъ какъ Емморъ и Сихемъ, обрѣзавшіеся ради дочерей и скотовъ Іаковлевыхъ! Скотовъ и дочерей, вѣрою пріобрѣтающіе, не вѣру, а дочерей и скотовъ только пріобрящутъ и семидалъ отъ рукъ ихъ, будетъ Тебѣ яко же и кровь свиная. А гдѣ же мои средства его воспитать, его *просвѣтить*, когда нѣтъ ихъ этихъ средствъ, и все какъ бы нарочито такъ устроено, чтобы имъ не быть въ моихъ рукахъ? Нѣтъ; вѣрно правъ мой

Киріакъ: здѣсь печать, которой несвободной рукой не распечатаешь, и благъ мнѣ по мысли пришолъ совѣтъ Аввакума пророка: „аще умедлитъ, потерпи ему, яко идый пріидетъ и не умедлитъ“. Ей гряди Христосъ, ей гряди самъ въ сіе сердце чистое, въ сію душу смирную; а доколѣ медлишь, доколѣ не изволишь сего... пусть милы ему будутъ эти снѣжныя глыбы его долинъ; пусть въ свой день онъ скончается, сброся жизнь, какъ лоза дозрѣвшую ягоду, какъ дикая маслина цвѣтокъ свой... Не мнѣ ставить въ колоды ноги его и преслѣдовать его стези, когда самъ Сый написалъ перстомъ своимъ законъ любви въ сердцѣ его и отвелъ его въ сторону отъ дѣлъ гнѣва. Авва-Отче, сообщай себя любящему Тебя, а не испытующему, и пребудь благословенъ до вѣка такимъ, какимъ Ты по благости своей дозволилъ и мнѣ, и ему и каждому по своему постигать волю Твою. Нѣтъ больше смятенія въ сердцѣ моемъ: вѣрю что Ты открылъ ему себя сколько ему

надо и онъ знаетъ Тебя, какъ и все Тебя знаетъ:

Largior hic campos aether et lumene vestit
Purpureo, solemque suum, sua sidera norunt

подсказалъ моей памяти старый Виргилій, и я поклонился у изголовья моего дикаря лицомъ до низу и, ставъ на колѣна, благословилъ его и, покрывъ его мерзлую голову своею полою, спалъ съ нимъ рядомъ такъ, какъ бы я спалъ, обнявшись съ пустыннымъ ангеломъ.

XI.

Досказывать ли вамъ конецъ? Онъ не мудрѣе начала.

Когда мы проснулись, дикарь подладилъ подъ меня принесенные имъ лыжи, вырубилъ мнѣ шестъ; всунулъ въ руки и научилъ, какъ его держать: потомъ подпоясалъ меня веревкою, взялъ ее за конецъ и поволокъ за собою.

Спросите — куда? — прежде всего за медвѣжатину долгъ платить. Тамъ мы надѣялись взять собакъ и ѣхать далѣе; но поѣхали не туда, куда въ началѣ влекла меня моя неопытная затѣя; въ дымной юртѣ нашего кредитора, ждало меня еще одно поученіе, имѣвшее весьма рѣшительное значеніе на всю мою послѣдующую дѣятельность. Въ томъ было дѣ-

ло, что хозяинъ, которому мой дикарь шапку покинулъ, совсѣмъ не на охоту въ то время ходилъ, когда прибѣгалъ мой избавитель, а онъ выручалъ моего Киріака, котораго обрѣлъ брошеннаго его крещёнымъ проводникомъ среди пустыни. Да, господа, тутъ въ юртѣ, близь тусклаго вонючаго огня, я нашелъ моего честнаго старца, и въ какомъ ужасномъ сердце сжимающемъ положеніи! Онъ весь обмерзъ; его чѣмъ-то смазали, и онъ еще живъ былъ, но ужасный запахъ, который обдалъ меня при приближеніи къ нему, сказалъ мнѣ, что духъ, стерегшій домъ сей, отходитъ. Я поднялъ покрывавшую его оленью шкуру и ужаснулся: гангрена отдѣлила все мясо его ногъ отъ кости, но онъ еще смотрѣлъ и говорилъ. Узнавъ меня, онъ прошепталъ:

— Здравствуй, владыко!

Въ несказанномъ ужасѣ я глядѣлъ на него и не находилъ словъ.

— Я ждалъ тебя, вотъ ты и пришелъ: ну, слава Богу: видѣлъ степь? Какова показалась?... ничего,—живъ будешь, опытенъ будешь.

— Прости, говорю, меня, отецъ Киріакъ, что я тебя сюда завелъ.

— Полно, владыко, благословенъ будь приходъ твой сюда; опытъ получилъ и живи, а, меня скорѣй исповѣдуй.

— Хорошо, говорю, сейчасъ; гдѣ же у тебя Святые Дары,—онѣ вѣдь съ тобой были?

— Со мной были, отвѣчаетъ, да нѣтъ ихъ.

— Гдѣ же они?

— Ихъ дикарь съѣлъ.

— Что ты говоришь!

— Да!... съѣлъ, ну что, говоритъ, темный человѣкъ... спутанъ умъ... Не могъ его удержать... говоритъ: „попа встрѣчу онъ мнѣ проститъ“. Что говорить... все спуталъ...

— Неужто же говорю онъ и муро съѣлъ!

— Все съѣлъ, и губочку съѣлъ, и дароносицу унесъ и меня бросилъ... вѣритъ, что „попъ проститъ“... Что говорить!... спутанъ умъ... простимъ ему это, владыко, — пусть только насъ Христосъ проститъ. Дай слово мнѣ не искать его бѣднаго или... если отыщешь его...

— Простить?

— Да; Христа ради прости и... какъ пріѣдешь домой, гляди вражкамъ ничего о немъ не сказывай, а то они лукавые пожалуй надъ бѣднякомъ-то свою ревность покажутъ. Пожалуйста не сказывай.

Я далъ слово и, опустясь возлѣ умирающаго на колѣни, сталъ его исповѣдывать; а въ это самое время въ полную людей юрту вскочила пестрая шаманка, заколотила въ свой бубенъ; ей пошли подражать на деревянномъ камертонѣ и еще на какомъ-то непонятномъ инструментѣ, типа того времени, когда племена и народы, по гласу трубы и всякаго рода муссикіи, повергались ницъ передъ истуканомъ деирскаго поля и началось дикое торжество.

Это моленіе шло за насъ и за наше избавленіе, когда имъ, можетъ быть, лучше было бы молиться за свое отъ насъ избавленіе, и я, архіерей, присутствовалъ при этомъ моленіи; а отецъ Киріакъ отдавалъ при немъ свой духъ Богу, и не то молился, не то судился съ

Нимъ, какъ Іеремія пророкъ, или договаривался, какъ истиный свинопасъ евангельскій, не словами, а какими-то воздыханіями неизглаголанными.

— Умилосердись, шепталъ онъ.—Прими меня теперь, какъ одного изъ наемниковъ твоихъ! Насталъ часъ... возврати мнѣ мой прежній образъ и наслѣдіе... не дай мнѣ быть злымъ дьяволомъ въ адѣ; потопи грѣхи мои въ крови Іисуса, пошли меня къ Нему!... хочу быть прахомъ у ногъ Его... Изреки: „да будетъ такъ“...

Перевелъ духъ и опять зоветъ:

— О доброта... о простота... о любовь!... о радость моя!... Іисусе!... вотъ я бѣгу къ Тебѣ, какъ Никодимъ, ночью, вари ко мнѣ, открой дверь... дай мнѣ слышать Бога, ходящаго и глаголющаго!... Вотъ... риза твоя уже въ рукахъ моихъ... сокруши стегно мое... но я не отпущу тебя... доколѣ не благословишь со мной всѣхъ.

Люблю эту *русскую* молитву, какъ она еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ вылилась у нашего

Златоуста, Кирила въ Туровѣ, которою онъ и намъ завѣщалъ „не токмо за свои молитися, но и за чужія, и не за единыя христіаны, но и за иновѣрныя, да быша ся обратили къ Богу“. Милый старикъ мой Киріакъ такъ и молился: *за всѣхъ* дерзалъ: „*всѣхъ* говоритъ, благослови, а то не отпущу Тебя“! Что съ такимъ чудакомъ подѣлаешь?

Съ сими словами потянулся онъ—точно поволокся за Христовою ризою и улетѣлъ... Такъ мнѣ и до сихъ поръ представляется, что онъ все держится, виситъ, и носится за Нимъ, прося: „*благослови всѣхъ, а то не отстану*“. Дерзкій старичекъ этотъ своего, пожалуй, допросится; а Тотъ по добротѣ своей ему не откажетъ. У насъ вѣдь это все in sancta simplicitate *семейно* со Христомъ дѣлается. Понимаемъ мы Его, или нѣтъ, объ этомъ толкуйте, какъ знаете, но а что мы живемъ съ Нимъ запросто это-то уже очень кажется неоспоримо. А Онъ простоту сильно любитъ...

XII.

Схоронилъ Киріака подъ глыбой земли, на берегу замерзшаго ручья и тутъ же узналъ отъ дикарей гнусную новость, что мой успѣшный зырянинъ крестилъ... стыдно сказать—*съ угощеніемъ*, по просту—съ водочкой. Стыдомъ это въ моихъ глазахъ все это дѣло покрыло и не захотѣлъ я этого крестителя видѣть и слышать о немъ, а повернулъ назадъ къ городу, съ рѣшимостью сѣсть въ своемъ монастырѣ за книги, безъ коихъ монаху въ праздномыслiи смертная гибель; а въ промежуткахъ времени смирно стричь ставленниковъ, да дьячихъ съ мужьями мирить; но за святое дѣло, которое въ святѣ совершать

нельзя, кое-какъ лучше совсѣмъ не трогаться,—„не давать безумія Богу“.

Такъ я и сдѣлалъ: и вернулся въ монастырь умудренный опытомъ, что многострадальные миссіонеры мои люди добрые и слава Богу, что они такіе, а не иные.

Теперь я ясно видѣлъ, что добрая слабость простительнѣе ревности не по разуму, въ томъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ средства приложить ревность разумную. А что таковая невозможна — въ этомъ убѣждала меня дожидавшаяся меня въ монастырѣ бумага, въ коей мнѣ сообщалось „къ свѣдѣнію“, что въ Сибири кромѣ 580 буддійскихъ ламъ, состоящихъ въ штатѣ при тридцати четырехъ кумирняхъ, допускаются еще ламы сверхштатные. Что же? вѣдь я не Канюшкевичъ, или не Арсеній Маціевичъ: я епископъ школы новой и съ кляпомъ во рту въ Ревелѣ сидѣть не хочу, какъ Арсеній сидѣлъ: да отъ этого и проку нѣтъ... Я принялъ извѣстіе объ усиленіи ламъ „къ свѣдѣнію“, и только вытребовалъ, какъ могъ поскорѣе, къ себѣ назадъ изъ степей зыря-

нина и, навѣсивъ ему за успѣхи набедренникъ, яко мечъ духовный, оставилъ его въ городѣ при соборѣ ризничимъ и наблюдателемъ за перезолоткою иконостаса; а своихъ лѣнивенькихъ миссіонеровъ собралъ, да, въ поясъ имъ поклонясь, сказалъ:

— Простите меня, отцы и братія, что вашу доброту не понималъ.

— Богъ, говорятъ, проститъ.

— Ну, молъ, спасибо, что вы милостивы и будьте отнынѣ вездѣ и всегда паче всего милостивы и Богъ милосердія будетъ на дѣлахъ вашихъ.

И съ тѣхъ поръ во все мое остальное, довольно продолжительное, пребываніе въ Сибири я никогда не смущался, если тихій трудъ моихъ проповѣдниковъ не давалъ столь любимыхъ великосвѣтскими петербургскими мироносицами эффектныхъ результатовъ. Когда не было такихъ эффектовъ, я былъ покоенъ, что „водоносы поочереди наполняются“; но когда случайно у того, или у другаго изъ миссіонеровъ являлась вдругъ большая цифра...

я, признаюсь вамъ, чувствовалъ себя тревожно... Мнѣ припоминался — то мой зырянинъ, то оный гвардейскій креститель Ушаковъ, либо совѣтникъ Ярцевъ, которые были еще благопоспѣшнѣе, понеже у нихъ, якоже и во дни Владиміра, „благочестіе со страхомъ бѣ сопряженно“ и инородцы у нихъ, еще до пріѣзда миссіонеровъ, уже просили крещенія... Да только что же изъ всей ихъ этой борзости и „благочестія со страхомъ сопряженнаго“ вышло?—мерзость запустенія стала по святымъ мѣстамъ, гдѣ были купели сихъ борзыхъ крестильниковъ и... въ этомъ путалось все—и умъ, и сердце, и понятія людей, и я худой архіерей не могъ съ этимъ ничего сдѣлать, да и хорошій ничего не сдѣлаетъ пока... пока такъ сказать мы въ серьезъ станемъ заниматься вѣрою, а не кичиться ею по фарисейски, для блезира. Вотъ, господа, въ какомъ положеніи бываемъ мы, русскіе крестители, и не отъ того, чай, что не понимаемъ Христа, а именно отъ того, что мы Его понимаемъ и не хотимъ, чтобы имя Его хулилось въ языцѣхъ. Итакъ я и

жилъ уже, не лютуя съ прежнею прытью, а терпѣливо, и даже, можетъ быть, лѣностно, влача кресты отъ Христа и не отъ Христа на меня ниспадавшіе, изъ коихъ замѣчательнѣйшимъ былъ тотъ, что я, ревностно принявшись за изученіе будизма, самъ, раченіемъ моего зырянина, прослылъ за потаеннаго буддиста... Такъ это при мнѣ и осталось, хотя я, впрочемъ, ревность своего зырянина не стѣснялъ и предоставлялъ ему орудовать, испытанными по своей вѣрности, пріемами князя Андрея Боголюбскаго, о коихъ выкликалъ надъ его гробомъ Кузьма домочадецъ: „придетъ, де-скать бывало, язычникъ, ты велишь его весть въ ризницу,—*пусть смотритъ на наше истинное христіанство*“. И я зырянину предоставилъ кого онъ хочетъ водить въ ризницу и все собранное тамъ отъ нашего съ нимъ „истиннаго христіанства“ со тщаніемъ показывать... И было все это хорошо и довольно дѣйственно; наше „истинное христіанство“ одобряли, но только, разумѣется, можетъ быть, моему зырянину казалось скучно по два,

да по три человѣка крестить, да и впрямь оно скучно. Вотъ и до настоящаго русскаго слова договорился: „скучно!“ Скучно, господа, тогда было бороться съ самодовольнымъ невѣжествомъ, терпѣвшимъ вѣру только, какъ политическое средство; за то теперь, можетъ быть, еще скучнѣе бороться съ равнодушіемъ тѣхъ, которые замѣсто того, чтобы другимъ свѣтить, по удачному выраженію того же Маціевича, „сами *насилу вѣруютъ*“... А вы вѣдь, современные умные люди, все думаете: „эхъ, плохи наши эпархіальные архіереи! что они дѣлаютъ? Ничего они, наши архіереи, не дѣлаютъ“. Не хочу за всѣхъ заступаться: многіе изъ насъ дѣйствительно очень немощны стали: подъ крестами спотыкаются, падаютъ и уже не то, что кто нибудь заправскій воротила, а даже иной рора mitratus для нихъ въ своемъ родѣ владыкой становится, и все это разумѣется изъ того „что ми хощите дати“? но а спросилъ бы я васъ: что ихъ до этого довело? Не то ли именно, что они, ваши эпархіальные архіереи, обращены въ админи-

страторовъ и *ничего* живаго не могутъ теперь дѣлать? И знаете: вы можетъ быть большою благодарностію имъ обязаны, что они въ эту пору ничего не дѣлаютъ. А то они скрутили бы вамъ клейменнымъ ремнемъ такія бремена неудобоносимыя, что Богъ вѣсть: разсѣлся бы или хребетъ вдребезги, или разлетѣлся бы ремень пополамъ; но мы вѣдь *консерваторы:* бережемъ, какъ можемъ, „свободу, ею же Христосъ насъ свободи“ отъ таковыхъ „содѣйствій“... Вотъ, господа, почему мы слабо дѣйствуемъ и содѣйствуемъ. Не колите же намъ глазъ бывшими іерархами, какъ св. Гурій и другіе: св. Гурій умѣлъ просвѣщать—это правда; да вѣдь онъ для того и ѣхалъ-то въ дикій край хорошо оснаряженъ: съ наказомъ и съ правомъ „привлекать народъ ласкою, кормами, *заступленіемъ* передъ властями, *печалованіемъ* за вины передъ воеводами и судьями“; „онъ *обязанъ былъ*“ участвовать съ правителями въ совѣтѣ; а вашъ сегодняшній архіерей даже съ своимъ сосѣдомъ архіереемъ не воленъ о дѣлахъ посовѣщаться; ему словно ни о чемъ не

надо думать: за него есть кому думать, а онъ обязанъ только все принять *„къ свѣдѣнію“*. Чего же вы отъ него хотите, если ему нынѣ самому за себя уже негдѣ стало *печаловаться*?... Эхъ, твори, Господи, волю свою... Что можетъ еще дѣлаться, то какъ-то пока само дѣлается, и я это видѣлъ подъ конецъ моего пастырства въ Сибири. Пріѣзжаетъ разъ ко мнѣ одинъ миссіонеръ и говоритъ, что онъ напалъ на кочевье въ томъ мѣстѣ, гдѣ я зарылъ моего Киріака, и тамъ у ручья цѣлую толпу окрестилъ въ „Киріакова Бога“, какъ крестился нѣкогда человѣкъ во имя „Бога Іустинова“. Добрый народъ у костей добраго старца возлюбилъ и понялъ Бога, сотворившаго сего добряка, и самъ захотѣлъ служить Богу, создавшему такое душевное „изящество“.

Я за это велѣлъ Киріаку такой здоровый, дубовый крестъ поставить, что отъ него не отрекся бы и галицкій князь Владимірко, вмѣнявшій ни во что цѣлованіе креста малаго; воздвигли мы Киріаку крестъ вдвое больше всего зырянина, — и это было самое

послѣднее мое распоряженіе по сибирской паствѣ.

Не знаю, кто этотъ крестъ срубитъ, или уже до сихъ поръ и срубилъ его: буддійскіе ли ламы, или русскіе чиновники, — да впрочемъ это все равно...

Вотъ вамъ разсказъ мой и конченъ: судите всѣхъ насъ въ чемъ видите, — оправдываться не стану, а одно скажу, что мой простой Киріакъ понималъ Христа навѣрно не хуже тѣхъ вашихъ заѣзжихъ проповѣдниковъ, которые бряцаютъ, какъ кимвалъ звенящій, въ вашихъ гостиныхъ и вашихъ зимнихъ садахъ. Тамъ имъ и присутствовать, среди женъ Лотовыхъ, изъ коихъ каждая, какихъ бы словесъ ни наслушалась, въ Сигоръ не уйдетъ, а, пофинтивъ передъ Богомъ, доколѣ у насъ очень скучненько живется, при малѣйшемъ измѣненіи въ жизни, опять къ своему Содому обернется и столбомъ станетъ. Вотъ въ чемъ и будетъ заключаться весь успѣхъ этой салонной христовщины. Что намъ до этихъ чудодѣевъ? они хотятъ не по низу идти, а по верху ле-

тать, но, имѣя, какъ прузи, крыльца малыя, а чревища великія, далеко не залетятъ и не прольютъ ни свѣта вѣры, ни услады утѣшенія въ туманы нашей родины, гдѣ въ дебрь изъ дебри ходитъ *нашъ* Христосъ — благій и добрый и, главное, до того терпѣливый, что даже всякаго самаго плохенькаго изъ слугъ своихъ Онъ научилъ съ покорностью смотрѣть, какъ раззоряютъ Его дѣло тѣ, которые должны бы сугубо этого бояться. Мы ко всему притерпѣлися, потому, что намъ уже это не первый снѣгъ на головы: было и то, что нашъ „*Камень вѣры*“ прятали, а „*Молотъ*„ на него нѣмецкаго издѣлія всѣмъ въ руки совали и стричь-то, и брить-то насъ хотѣли и въ аббатиковъ передѣлать желали: одинъ благодѣтель, Голицынъ, намъ свое юродское богословіе указывалъ проповѣдывать; другой, Протасовъ, намъ своимъ пальцемъ подъ самымъ носомъ грозилъ; а третій, Чебышевъ, уже всѣхъ превзошелъ, и на гостиномъ дворѣ какъ и въ Сѵнодѣ открыто „гнилыя слова“ изрыгалъ, увѣряя всѣхъ, что „Бога нѣтъ и говорить

о Немъ глупо“... А кого еще впередъ срѣтать будемъ и что намъ тотъ или другой новый пѣтухъ запоетъ, про то и гадать нельзя. Одно утѣшеніе, что всѣ они, эти радѣтели Церкви русской, ничего ей не сдѣлаютъ потому, что не равна ихъ борьба: Церковь нераззорима, какъ зданіе апостольское, а въ сихъ пѣвняхъ духъ пройдетъ и не познаютъ они мѣста своего. Но вотъ что, господа, мнѣ кажется, крайне безтактно, это то, что иные изъ этихъ, какъ ихъ нынѣ стали звать, лица высокопоставленныя, или широкоразставленныя, нашей скромности не замѣчаютъ и ея не цѣнятъ! Это, по истинѣ скажу, неблагодарно: имъ бы не резонъ нарекать на насъ, что мы терпѣливы да смирны... Будь мы понетерпѣливѣе, такъ, Богъ вѣсть, — не стали бы сожалѣть объ этомъ очень многіе, и больше всѣхъ тѣ, иже въ трудѣхъ не суть и съ человѣки ранъ не пріемлятъ; а, обложивъ тукомъ свои лядвіи, праздно умствуютъ: во что бы имъ начать вѣрить, чтобы было только о чемъ нибудь умствовать. Поцѣните

же вы, господа, хоть святую скромность православія, и поймите, что вѣрно оно духъ Христовъ содержитъ, если терпитъ *все*, что Богу терпѣть угодно. Право, одно его смиреніе похвалы стоитъ; а живучести его надо подивиться и за нее Бога прославить.

Мы всѣ безъ уговора невольно отвѣчали:

— Аминь.

КОНЕЦЪ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3337
.L5
R92
1876